

FILM.UA DISTRIBUTION



ФАВОРИТ-ФИЛЬМ

режиссеры Владимир Краснопольский, Валерий Усков
ПРЕДСТАВЛЯЮТ

ВСЕНАРОДНО ЛЮБИМЫЙ СЕРИАЛ

ДОМ С ЛИЛИЯМИ

Елена Арсеньева

(по мотивам сценария Марии Бек и Елены Бойко)



ЧУЖОЙ МУЖ

Всенародно любимый сериал «Дом с лилиями»

Елена Арсеньева

Чужой муж

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арсеньева Е. А.

Чужой муж / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2015 — (Всенародно любимый сериал «Дом с лилиями»)

Дом с лилиями переживает не лучшие времена. Улетел из него Костя, которого заставили жениться на обманщице. Устав от пренебрежения дочери, уходит из дома Тася и становится, как и обещала, женой нелюбимого Шульгина. И только Лиля, кажется, счастлива – ведь к ней приходит настоящая любовь! С замужеством, удачной беременностью. Но накануне родов Лиля узнает: Родион Камышев женат! Всё это время она жила с чужим законным мужем...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е. А., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елена Арсеньева

Чужой муж

© Арсеньева Е., 2015

© ООО «Медиа Фильм Интернешнл», сценарий, кадры из сериала, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

* * *

Часть первая

Этот дом всегда оставался прекрасным. В снег и дождь, в метели, бури и солнечные деньки, в алом ореоле осенних кленов и в разливе весеннего цветения. И как же было хорошо качаться в старом-престаром гамаке в укромном уголке буйно разросшегося сада – и читать, или мечтать, или писать письма...

«Дорогой Котик! Ты помнишь, как я назвала тебя лучшим братом в мире? Так вот – беру свои слова обратно! Лучший брат хотя бы изредка интересовался судьбой своей сестры! Между прочим, я закончила третий курс. Без единой четверки! Приезжай! Приезжай скорей, целую, Лилька».

Как она соскучилась по Котке... Три года не виделись. Сначала он уехал на Кубу, потом в Алжир. Мама все время пилит отца, чтобы пустил в ход связи, узнал, как у Кости дела, а еще лучше – чтобы добился перевода в Союз, но у папы один ответ: «Пусть служит! Раз не пишет, значит, нет такой возможности!»

Мама тоскует, конечно... Лиля тоже!

Но, может, и правда у Кости нет возможности писать? А получать письма родственников – есть? Дойдет до него это письмо?

Ну, чтобы дошло, его надо как минимум отправить!

Лиля свернула письмо и пошла домой за конвертом.

Клумба с лилиями по-прежнему цвела и сияла красотой. «Лилии цветут, и моя Лилия расцвела – не узнать!» – сказал недавно отец Варваре. С такой гордостью сказал!

Лиля поймала взглядом свое отражение в темном стекле.

Зря папа гордится. Не расцвела его лилия, а растолстела! Ну что за плечи?! И талии совсем нет... Худеть надо, но разве похудеешь на Варвариных пирогах, которые она чуть не каждый день печет? Особенно вишневый, ее фирменный... Это что-то страшное, а не пирог! Это просто враг, победить который можно только одним путем: уничтожив его как можно скорей! В смысле, слопав! Ну вот почему мамочка не толстеет даже на этих пирогах, а Лилю от них так и разносит? Жаль, что она уродилась не в маму, а, видимо, в отца. Он тоже раздобрел. Но ему это идет: солидности прибавляет. А ей только объемов да плохого настроения!

И вдобавок сейчас каникулы. Целыми днями дома, целыми днями пироги! Скорей бы снова в институт! Там столько волнений, столько суматохи, да и в буфете есть совершенно невозможно, и в студенческой столовке, так что само собой худеется!

* * *

– Тасенька! – Шульгин, прихрамывая, с неизменной палкой, вошел в комнату и протянул жене галстук: – Видимо, никогда не научусь!

От него едва уловимо пахло «Шипром». В парадном костюме и дорогой светлой рубашке, он был как-то особенно моложав и привлекателен. А легкая хромота и палка придавали Шульгину даже некую загадочную элегантность.

«Удивительно красив все же Дементий! – подумала Тася. – Есть мужчины, которым возраст только придает обаяния. Вот он из таких!»

Тася вдруг осознала, как же ей приятно, что муж ее – такой видный, заметный мужчина. И принадлежит ей!

«Конечно, я люблю другого, – напомнила себе Тася. – Но все-таки... Все-таки хорошо, что у меня есть Дементий!»

Да, сегодня на вечеринке в партшколе он, конечно, будет самым красивым и элегантным! Какая у него чудесная улыбка, как ласково он смотрит... Жаль, что придется его сейчас огорчить.

Тася приподняла воротничок рубашки, завязывая мужу галстук, но Шульгин вдруг отстранился, оглядывая ее довольно скромное платье:

– Тасенька! А почему ты не при параде? Там же все коллеги будут со своими женами... Я тоже хотел похвастаться своей супругой!

Тася вздохнула:

– Дементий... Я не поеду. Я все равно в этой твоей партшколе никого не знаю.

Она осторожно затянула аккуратный узел галстука.

– Ну вот и хорошо, – все еще улыбался Шульгин. – Я тебя всем представлю. Похваюсь, что у меня жена – студентка. Кстати, ты студенческий билет получила?

Тася кивнула и нахмурилась:

– Не надо, пожалуйста, я прошу тебя! И не говори никому! Я и так переживаю, что всю эту учебу не по годам затеяла!

Она еще раз поправила Шульгину и без того безупречные воротничок и галстук, застегнула пуговицы пиджака.

– Ну вот!

– Это я переживаю! – засмеялся Шульгин. – Я здесь, значит, вечерами куковать буду, а ты там в своем институте со студентами шуры-муры, да? – Быстро чмокнул Тасю в плечо, попросил жалобно: – Ну, может, все-таки передумаешь и поедешь?

– Нет, – стараясь говорить как можно мягче, ответила Тася.

– Ну ладно. – Голос Шульгина стал холодным. – Как знаешь. Тогда у меня еще есть время с Говоровым повидаться. Встречу назначил...

Тася резко выпрямилась, но промолчала. Схватила салфетку и принялась с ненужным старанием протирать и без того сверкающую хрустальную конфетницу.

– Передать что-нибудь? – едко спросил Шульгин, растравляя свои никогда не заживающие раны, и подумал, что Тася в хрустале сейчас дырку протрет.

Она пожала плечами:

– Нет, ничего не надо.

– И на этом спасибо... жена, – буркнул Шульгин и вышел.

Столько горечи прозвучало в этом слове – «жена», что у Таси дыхание перехватило.

«Ну я и дура же! – немедленно отругала она себя. – Опять я его обидела!» Повернулась вслед... Но так и не решилась окликнуть мужа, сказать, что передумала, что пойдет с ним.

С утра она сбегала в парикмахерскую и сделала прическу. Дементий, между прочим, даже не заметил ничего! А ведь теперь и помину не осталось от вороха кудрей, с которыми Тася никогда не знала, как сладить! Волосы уложили гладкими прядями, красиво завивающимися на концах. Тася смотрела на себя в зеркало, хвалила парикмахершу, а сама вдруг поняла, что зря затеяла поход в парикмахерскую, потому что ни на какую вечеринку она не пойдет.

Нечего ей там делать! Стыда не оберешься! Со свиным-то рылом в калашный ряд...

Годы, пока Тася работала в доме Говоровых, была прислугой у собственной дочери, наложили на нее неизгладимый отпечаток. Она так привыкла оставаться в тени, помалкивать, что не могла преодолеть своего стеснения и боязни посторонних даже сейчас, после трехлетнего замужества.

Никто не знает, скольких душевных сил, какого напряжения воли стоило ей это поступление на заочное отделение в институт! На сборе группы она оказалась старше остальных и чуть не плакала, когда встречала чей-то взгляд. Ей чудилось, что все смотрят презрительно и насмешливо. Она и сама себя презирала и смеялась над собой!

Можно представить, что бы с ней стало среди разряженных дам, которых приведут с собой коллеги Дементия, преподаватели партшколы! Конечно, у Таси теперь такие платья, которым бы, наверное, даже Маргарита Говорова могла позавидовать: Шульгин балует ее необыкновенно и буквально завалил всякими нарядами. Но вдруг среди этих женщин на вечеринке окажется какая-нибудь особа, которая бывала в гостях в Доме с лилиями, и она узнает прислугу Говоровых? И пойдут сплетни...

Нет, ни к чему это. Ни к чему!

Тася сама себя уговаривала, но губы почему-то дрожали. Вдруг так захотелось праздника, красоты, бездумного веселья, захотелось в полутемном зале медленно кружиться под музыку в объятиях мужа, который отлично танцевал, несмотря на хромоту!

Она даже себе не решалась признаться, что еще больше ей хотелось, чтобы Дементий, услышав, что она не пойдет, воскликнул бы: «Да и шут с ней, с этой вечеринкой! Я без тебя не пойду. Давай-ка лучше посмотрим, что там сегодня в кино идет? А то и просто дома посидим. Хочешь?»

Именно этого она и хотела. Но Шульгин ушел.

Он ушел веселиться, а она теперь сиди одна и жди!

Тася яростно отшвырнула салфетку.

Да что она вечно все начищает да натирает?! Вот уж правда что – была прислугой, прислугой и осталась!

Села за стол и открыла конспект. Поступила в институт – так учись!

* * *

Теперь первый секретарь горкома партии Михаил Иванович Говоров ездил на черной «Волге». Однако за рулем по-прежнему сидел незаменимый Егорыч.

Горячо расцеловавшись с ним (Шульгин не забыл, какую роль сыграл тот в его судьбе, не побоявшись в самый разгар бериевщины поехать в Москву и передать письмо Говорова Рокоссовскому!), Дементий Харитонович протянул руку старинному приятелю куда сдержанней и не без опаски. Никак не мог понять, зачем тому понадобилось настаивать на встрече.

Может быть, это как-то связано с Тасей? Что, если Говоров опять начнет говорить о своем желании вернуть Тасю? А если Тася потому отказалась идти на вечеринку, что задумала уйти от Шульгина – и не хочет понапрасну мелькать перед посторонними в качестве его жены?

Словом, Шульгин, накрутив себя, уже был готов к самому худшему, когда автомобиль остановился у городской столовой и Говоров предложил:

– Выходи. Пойдем-ка пообедаем!

– Спасибо, – отказался было Шульгин, – меня жена дома кормит!

Но Михаил Иванович настаивал:

– Пошли, пошли!

«Значит, не хочет при Егорыче заводить разговор!» – решил Шульгин.

Однако Говоров вдруг спросил:

– Егорыч, а ты что сидишь? Пойдем с нами!

– Нет, Михаил Иванович, помилуйте, – стонущим голосом отозвался шофер, – с меня прошлого раза хватит!

– Миша, у меня совсем нету времени, – попытался отказаться Шульгин.

Но Говоров властно подтолкнул его вперед:

– Пошли, сейчас сам все увидишь!

Они поднялись на крыльцо столовой – и отшатнулись, пропуская выходящего мужчину, который вел на поводке громадную псину.

– Во! – удивился Говоров. – С собакой – в столовую!

Наконец они вошли в новое современное здание столовой, выстроенное, как слышал Шульгин, по проекту какого-то московского архитектора: чтобы и в Ветровске было все «как у людей».

Ну что, и в самом деле все было как у людей: широкие лестницы, облицовка и пол белые – «под мрамор», полированные перила, тонконогие столики с пластмассовыми столешницами и стулья с неудобными, зато очень нарядными разноцветными сиденьями. Имелось также мозаичное панно, изображавшее какую-то грудастую жизнерадостную особу в беленькой косыночке на фоне заводских труб и колхозных полей.

Панно, правда, было не столь большое, как в столичных кафе, но тоже – как у людей!

Впрочем, разглядывать интерьер особо не хотелось. Хотелось зажать нос и поскорей броситься вон.

Тут не просто плохо пахло. Тут воняло!

– Смотри, смотри! – воинственно воскликнул Говоров. – Нравится?!

– Да, – уныло кивнул Шульгин. – Особенно запах.

– Смотри! – снова призвал Говоров прокурорским тоном. – Грязь, мухи... Столы вот без скатертей. Салфетки видишь где-нибудь?

– Нет, – огляделся Шульгин.

– Салфеток нет! А еда!.. – горячился Говоров.

Ринулся к стойке раздачи:

– Пойдем, покажу тебе. Мы с Егорычем заехали сюда случайно давеча. Так я чуть не отравился.

Он схватил с раздаточной стойки тарелку с чем-то... Шульгин затруднился бы определить, с чем.

– Ну-ка, понюхай! – Говоров сунул тарелку ему под нос.

Шульгин с отвращением сморщился.

– Эй! – раздалось вдруг возмущенное восклицание, и тощенькая кассирша обратила к ним сморщенное от негодования личико. – Вы чо хулиганите?! А еще приличные люди! Вы чего носы сюда суετε, а?!

– Вот это, – Говоров швырнул перед ней тарелку, – вот это что такое?!

– Это – рыба! – яростно рывкнула кассирша. – И пахнет она – рыбой! Потому что у нас сегодня рыбный день! Кушать будете?

– А рыба небось забыла уже, в каком году ее выловили? – насмешливо спросил Шульгин.

Кассирша смертельно обиделась:

– А ну давайте топайте отсюда! Повеселиться охота? У нас, чтоб вы знали, между прочим, не наливают!

– Ах, не наливают? – соорудил жалобную гримасу Говоров. – Нет, это не для нас!

И потащил Шульгина к выходу.

– Нет, девочки, вы видели? Вы их видели?! – заорала вслед кассирша, но Говорова с Шульгиным уже и след простыл.

С наслаждением глотнув свежего воздуха на крыльце, сели в машину.

– Ну? – задорно спросил Говоров. – Что скажешь?

– А что? – пожал плечами Шульгин, который так и не понял, зачем совершил экскурсию по этой смрадной и грязной едалне.

– А то! – рассердился Говоров. – Не засиделся ли ты в своей партшколе, Дементий? Хочу, чтобы ты взял на себя потребкооперацию. А то, вишь, они мне рапортуют, мол, все в ажуре, а на поверку выходит – сам видел! Начальника их я уже погнал, к лешему, за плохое и неумелое руководство.

– Да ты что, – растерялся Шульгин, – я ничего в этом не понимаю!

Говоров презрительно хохотнул:

– Нет таких крепостей, Дементий, которые не взяли бы большевики! Разберешься! Хозяйство у нас огромное: семьдесят девять потребобществ. Почти полтыщи магазинов, ларьков, лавок...

Шульгин порывался что-то сказать, но остановить Говорова было невозможно:

– ...тридцать девять предприятий общественного питания. Базы, хлебопекарни! Пятнадцать лет, как война закончилась, а мы вот только-только выходим на довоенный уровень! А народ должен жить хорошо!

Говоров почти кричал, и Шульгин поглядел на него изумленно: такого пыла он не ожидал. Однако не согласиться было трудно.

– Должен, – кивнул он.

– Вот! – воскликнул Говоров с таким торжеством, словно только что лично доказал здесь, в своей персональной «Волге», как минимум теорему Ферма. Но тотчас сбавил тон: – Подумай, Дементий, я тебя попрошу.

Уставился в окно и буркнул:

– С женой посоветуйся...

Шульгин подавил тяжкий вздох и повторил насмешливо:

– С женой? О Тасе хочешь спросить? В институт поступила. На филфак.

Говоров резко отвернулся от окна и уставился на Дементия, чуть ли не с ужасом переспросив:

– Куда?!

– Туда же, – кивнул Шульгин.

Он отлично понимал, с чего так перепугался Говоров. Ведь Лиля тоже училась на филфаке. Правда, Тася была еще только на первом курсе, да и то – на заочном отделении, однако все равно – случайной встречи рано или поздно не миновать.

Шульгин отлично понимал, что ради такой встречи, ради того, чтобы хоть изредка видеть дочь, Тася и пошла учиться.

– Да... – протянул Говоров. – Привет ей передавай.

– Передам, – кивнул Шульгин.

– Тебя куда, домой? – угрюмо спросил Михаил Иванович. У него всегда портилось настроение, когда он спрашивал Шульгина о Тасе. А не спрашивать не мог...

– Нет, к партшколе, если не трудно, – попросил Шульгин. – У нас, видишь ли, сегодня вечер...

И тут же прикусил язык. Ох и болтун...

Сейчас Миха прицепится.

Ну, а как же, так и вышло!

– А я смотрю, что это ты при таком параде... – протянул Говоров. – А Тася что, не идет с тобой?

Вот же... все насквозь видит! И какая надежда в глазах...

– Разумеется, идет! – сухо ответил Шульгин. – Она вообще уже там. На такси приехала и ждет меня.

Глаза Говорова погасли.

– Ладно, Егорыч, давай к партшколе, – буркнул он и больше не произнес ни слова.

Шульгин вышел у подъезда, проводил взглядом машину... Настроение было – хуже некуда! Стоило только представить, что сейчас надо идти на люди и притворяться там записным острословом, каким его все привыкли считать...

«Может, домой вернуться?»

Ну, вернется. И что? Можно подумать, Тася будет ему рада.

Не будет. Не любит она его и не полюбит никогда!

Так какого же черта он явится мозолить ей глаза? Пусть хоть один вечер от него отдохнет. А он...

А он сейчас напьется – и повеселеет. Никуда не денется!

* * *

Тася почувствовала, что глаза начали слипаться. Взглянула на часы. Ого, да времени почти полночь! Ну и засиделась она...

Она засиделась, а Дементий что-то задержался. Пора бы и вернуться уже.

Тася умылась, приготовила себе постель на прочно обжитом диванчике в гостиной, однако ложиться не стала: взяла книжку и села в кресло.

Дементий вот-вот вернется. Пусть видит, что она сидит и ждет его. Наверное, ему будет приятно, что жена – ждет.

Но время шло, а Дементий не возвращался.

Тася таращила в книгу, ничего не видя, хотя спать уже не хотелось. Она злилась так, как не злилась никогда в жизни.

Ну сколько можно веселиться?! Все-таки семейный человек! Вон на полочке фотография стоит: он и Тася в день свадьбы. И у Шульгина в паспорте лежит такая же фотография, только маленькая... Хотя паспорт он с собой не взял, на столе забыл. И фотографию забыл. И про Тасю забыл... забыл, что оставил дома жену одну. Ну ладно, она сама осталась, по своей воле, но все-таки... Ведь второй час! Нет, она не ляжет. Пусть ему станет стыдно, когда увидит, что она сидит тут и ждет его!

Когда часы показали половину третьего, Тася была уже вне себя от беспокойства и страха.

Что-то случилось. Конечно, с Дементием что-то случилось! Наверное, он слишком много выпил. Пошел домой, а по пути упал, ударился... Где-то лежит без сознания... Или сердце прихватило!

А может быть, его увезли на «Скорой»? Нет, все гораздо хуже. Если бы на «Скорой», он попросил бы сообщить домой. А если никто ничего не сообщил... Что можно сообщить о каком-то неизвестном, найденном на улице без документов?..

Случилось самое страшное, вот что случилось!

Тася схватила за телефон, набрала ноль три:

– Скажите, пожалуйста, как мне позвонить в морг?

Она узнала номер, она даже позвонила туда – и, с трудом подбирая слова, описала своего мужа:

– Мужчина пятидесяти шести лет, высокий, красивый, волосы у него темно-русые, с проседью. Глаза карие. Одет в светлый костюм, при светлом галстуке...

Горло перехватило, когда вспомнила, как завязывала Дементию этот галстук!

– Нету у нас таких, – буркнули в трубку. – Да ты не переживай, бабонька, нагуляется мужик – и вернется. Экие ж вы нервные – сразу по моргам названивать!

Тася уронила трубку.

Нагуляется – и вернется?! Да что ж ей сразу не пришло в голову самое простое: Дементий и в самом деле загулял! Он сейчас у какой-то женщины! Перепил – ну и... наверное, в таком состоянии ему все равно, с кем утешаться. Знает же, что у собственной жены не найдет того, чего хочет так давно.

Утешается, значит... А она тут мечется из угла в угол! Ждет! Места себе не находит!

Нечего глупостями заниматься. Надо ложиться спать. А то придет – увидит, что она сидит в кресле, как дура, – еще и на смех поднимет! Скажет: «Что это ты, Тасенька, забеспокоилась, как самая настоящая жена? Но ведь я тебе просто сосед по квартире и добрый приятель, а не муж! И нет у тебя никакого права за меня беспокоиться!»

Тася рухнула в постель, даже не заметив, что не выключила светильник, что так и не сняла платье. Зажмурилась, как могла крепко, зовя сон.

Сон не шел.

Уже рассвело за окном, когда дремота напоззла, наконец, на глаза...

Внезапно с улицы долетел гудок машины, пронзительный в утренней тишине.

Тася подхватилась, кинулась к окну, уверенная, что сейчас увидит Дементия, который выходит из такси.

Нет, это не он. Его все еще нет.

Кому же это взбрело в голову сигналить ни свет ни заря, люди же спят, одна она...

Тася отвернулась от окна – да и замерла, глазам не веря.

В кресле сидел Шульгин.

Вернее, полулежал, нелепо улыбаясь.

Живой, здоровый – и пьяный! Пьянящий!

Как это Тася не услышала, как он вошел? Значит, все же заснула...

Фу, какой у него мерзкий вид! Рубашка измята, растягнута, волосы всклокочены...

И она еще называла его красивым?! А винищем-то несет...

И из-за этого пьяницы она мучилась всю ночь?

Злость вскипела мгновенно.

– Дементий, где ты был?

Тасе самой стало холодно от звука своего голоса, а ему хоть бы хны!

– А ты где сделала прическу? – спросил вязким голосом и покрутил рукой вокруг головы, не сразу, впрочем, найдя, где она расположена.

– Ну слава богу, заметил, наконец! – сердито воскликнула Тася. – Ты напился, что ли? Я уже и в больницы звонила, и в милицию, и в морги...

– В морги? – радостно повторил Дементий. – Это хорошо. Значит, ты волновалась, жена!

Попытался подняться... Это удалось со второй попытки. Прислонил палку к стене и потянулся к Тасе:

– Ну-ка иди-ка сюда! Ах ты, моя курица! Иди сюда!

Курица? Курица?! Да он в своем ли уме?

Стоп... А что это... Что это на воротничке его рубашки?!

– Что это? – резко спросила она.

– Х-хде? – промямлил Шульгин.

– Вот это! – Тася с силой дернула за воротничок.

Шульгин нелепо изогнулся, скосил глаза, пытаясь рассмотреть «это», а потом с радостной улыбкой сообщил:

– Помада. Она это... Проявляющаяся.

Тася растерянно моргнула. Откуда Шульгин вообще знает такие слова, как «проявляющаяся помада»?!

– Какого-то, знаешь, модного цвета, – бубнил муж. – О, вспомнил! Она сказала – цикламен.

Она сказала?! Кто?!

Кто-кто. Та женщина, с которой Шульгин провел ночь, когда Тася... Когда она тут... одна...

Тася размахнулась и хлестнула мужа по щеке. Выскочила в спальню и закрыла за собой дверь.

Ничего! Пусть теперь он спит на диванчике в гостиной!

– Это что, ревность? – промямлил ошарашенный Шульгин, держась за щеку, и улыбнулся, трезвея: – Это хорошо! Хорошо!

Повернулся к двери, подергал ее, но Тася просунула в ручку стул. Дверь не открывалась.

– Это хорошо... – промямлил Шульгин, а потом, прижавшись к двери, вдруг запел:

Скажите, девушки, подружке вашей,
Что я не сплю ночей, о ней мечтая...¹

– Замолчи! – сердито крикнула Тася.

Но Шульгин не унимался. Правда, ноги его плохо держали, а язык вовсе не слушался, поэтому он продолжал речитативом, сползая на пол и перевирая слова:

Я сам хотел в любви признаться ей,
Но слов я не нашел...

Вздыхнул:

– Не нашел...

Дойти до Тасино диванчика он не сообразил. Да и сил уже не осталось.

Свернулся калачиком под дверью и заснул.

Палка упала рядом, словно ей было скучно стоять одной в углу.

* * *

Ну вот наконец-то и произошло то, ради чего Тася – правильно угадал Шульгин! – поступила на филфак. Она стояла на лестничной площадке, у доски объявлений для студентов заочного отделения, переписывая расписание зачетов для зимней сессии, как вдруг ее словно толкнуло в сердце.

Обернулась.

По лестнице поднимались три девушки. Одна из них оживленно рассказывала:

– Девчонки, представляете, мне выпал пятый билет. Я его так боялась! Не хочется же тройбан схлопотать и без степенушки остаться!

– Но ведь выкрутилась как-то, – философски пожала плечами другая.

Но Тася смотрела не на них, а на третью девушку – высокую, статную, с косой.

Смотрела на свою дочь...

Шагнула вперед:

– Здравствуй, Лилечка. Как давно я тебя не видела! Какая ты стала...

– Девочки, пойдемте, – перебила Лиля, проходя мимо Таси, как мимо пустого места. – А то на консультацию опоздаем.

Подруги двинулись за ней, меряя любопытными взглядами Тасино черное, с белыми полосами на груди, платье, великолепно сидящее на стройной фигуре, ее гладкие волосы, обрамляющие лицо и придающие ему особенно одухотворенное выражение.

– Ты что, разве не прочла мое письмо? – беспомощно воскликнула Тася.

Лиля оглянулась.

– Кто это? – шепнула одна из девушек.

– Да так, – пожала плечами Лиля, окидывая Тасю пренебрежительным взглядом, – никто.

И ушла вслед за подругами.

Тася не помнила, сколько времени простояла на площадке. Но вдруг стало невыносимо душно, захотелось на свежий воздух.

Сбежала по лестнице, схватила в гардеробной шубку, кое-как повязала косынку – черную, в крупный белый горох, – и побрела по середине заснеженной улицы, не замечая взгля-

¹ Слова из песни Р. Фальво на стихи Э. Фуско «Dicitencello vuje» (рус. пер. М. Улицкого «Скажите, девушки...»).

дов, которыми мужчины оценивали красоту ее бледного лица, а женщины – дорогую изящную одежду.

Косынку она купила сама, а шубку – черную, каракулевую, легкую – подарил Шульгин на день рождения, и Тася тогда с трудом отогнала воспоминания о том дне, когда Михаил подарил шубку Маргарите, а Тасе – часики и как Маргарита швырнула их на пол... Эти часики, между прочим, Тася хоть и отремонтировала их, но, выйдя за Шульгина, больше не носила, потому что даже случайный взгляд на них заставлял ее плакать, а плакать ей больше не хотелось: слезы приходилось скрывать от мужа, а ведь, как известно, нет ничего горше тайных слез...

Даже сейчас она не плакала, а просто брела, ничего не замечая вокруг, думая, что хорошо бы взять и умереть. Как дальше жить, если она не нужна родной дочери? А кому она вообще нужна? И раз так, то зачем дальше жить?

Вдруг какая-то женщина схватила ее за руку:

– Осторожно, машина!

Тася, очнувшись, покосилась через плечо – и замерла, увидев почти рядом с собой крыло черной «Волги».

Обернулась, вдруг перепугавшись, что ей суждено встретить сегодня не только дочь, но и отца этой дочери, – и впервые в жизни поняв, что она не хочет его видеть!

Но это была машина не Говорова, а Шульгина. Став начальником потребкооперации, он получил в свое распоряжение персональную «Волгу».

Неловко опираясь на палку, он выбрался с заднего сиденья и пошел к Тасе, держа какой-то небольшой бумажный пакет.

Дементий... И сколько же негаснувшей любви в его глазах!

О господи, да вот же единственный человек, которому она нужна!

Тася бросилась ему на шею:

– Дементий... Какое счастье, что ты у меня есть!

Она чувствовала, что наконец расплакалась, но теперь – впервые за столько лет! – не стыдилась этого и не собиралась скрывать своих слез.

– Вот это да... – пробормотал Шульгин ошарашенно, отстранив Тасю и изумленно заглядывая ей в глаза. – И я очень рад...

Замолчал, не зная, что дальше сказать, смущаясь, как юнец на первом свидании.

Тася тоже вдруг застеснялась, опустила глаза и только все гладила, гладила затянутой в перчатку рукой то пальто мужа, то его лицо.

– А я ехал мимо, – наконец выдавил Шульгин, – и так вдруг захотелось тебя увидеть...

Если бы это услышал его шофер, он бы, конечно, мог раскрыть глаза Таисии Александровне на явную и откровенную ложь ее супруга, который на самом деле торчал у подъезда института чуть ли не час, поджидая, пока она выйдет. Но, во-первых, шофер их разговора не слышал, а во-вторых, у него были четкие понятия о мужской солидарности и выдавать какие бы то ни было тайны начальника женщине, тем паче – его жене, он не стал бы ни за что на свете.

– ...а тут ты... Могу домой подвезти, если хочешь, – растерянно мямлил Шульгин – и вдруг насторожился, наконец-то заметив ее слезы: – А почему глаза на мокром месте? И почему такое желание попасть под машину?

Тася торопливо вытерла лицо, не снимая перчатки.

– Она сказала мне, что я никто.

– Кто сказал? – нахмурился Шульгин.

– Но я же ей все объяснила в письме! – срываясь на рыдания, прошептала Тася. – Это значит, что она не поняла меня? И не простила?..

Она снова припала к Шульгину, вся дрожа от вновь нахлынувшего приступа горя, но уже успокаиваясь, потому что прижималась к мужу, а он гладил ее по спине. Потому что она была не одна, она наконец-то была не одна!

– Понятно... – пробормотал Шульгин. – Хочешь, я с ней поговорю?

Тася замотала головой, отстраняясь:

– Нет. Нет.

Шульгин посмотрел исподлобья, потом вдруг сказал:

– Закрой глаза.

– Что? – Тася удивленно моргнула.

– Глаза закрой!

Тася пожала плечами... и почему-то послушалась.

Внезапно вздрогнула и изумленно открыла глаза:

– Что это? Клубникой пахнет.

Шульгин держал перед ней огромную красную ягоду.

– Откуда, Дементий? Зимой?! – почти испуганно вскричала Тася.

– Из оранжереи, – похвастался он. – Опытный образец. Потребкооперация может, когда хочет!

Удержаться было невозможно, и Тася впилась зубами в клубничину.

– Как вкусно... – простонала она.

– Ну вот, почти догнали и перегнали загнивающую Америку, – балагурил Шульгин.

Тася почти мурлыкала от восторга:

– Кажется, ничего вкуснее в жизни не ела!

И это была правда, потому что не может быть ничего вкуснее, чем свежая клубника – на морозе!

Тася держалась за руку мужа, откусывая от ягоды, и он вдруг поцеловал ее узкую, натянутую в перчатку руку.

– Ты что? – смущенно отстранилась Тася.

– Да ладно, ты что, меня стесняешься? – тихо спросил Дементий и тоже откусил от ягоды.

Тася поняла: он просто хочет прикоснуться губами к тому месту, которого касались ее губы...

Они доели эту невероятную ягоду, откусывая от нее поочередно и не сводя друг с друга глаз.

– Я еще хочу, – сказала Тася.

– Дома остальное доешь, – ответил Шульгин и поцеловал ее в губы долгим, бесстыдным и жадным поцелуем.

И Тася не отстранилась.

* * *

Когда Лиля поступила в институт, ей даже в голову не пришло, что можно поселиться в городской квартире и не ездить каждый день за тридевять земель. Конечно, полчаса на машине – не такая уж даль, но все же...

Она не любила городскую квартиру. Почему-то чувствовала себя там несчастной и маленькой. Поэтому, когда приходилось задерживаться в городе, Лиля Говорова предпочитала идти с девчонками к ним в общежитие и ночевать там.

Вот и сегодня она решила остаться в общежитии. Утром Лилу отвез в город отец, а вечером с Зоей и Симой, своими лучшими подругами, она пошла на концерт Эдуарда Хилья. Там был почти весь институт. Возвращались через парк, ну и, конечно, танцевали бесподобную «Летку-еньку». Когда Хиль пел эту смешную песенку, весь зал притопывал в такт. Девушки едва дождались окончания концерта!

Наконец остановились отдышаться.

– Лиля, а ты заметила, как на тебя тот блондинчик с физмата смотрит? – вдруг спросила Зоя, высокая блондинка с длинными распущенными волосами. – Видать, понравилась ты ему!

– Да? – изумилась Лиля. – А я его даже и не заметила! Мне другой парень понравился. Такой... в стильном галстуке... Но он на меня и не смотрел!

– Зато Симка на него смотрела! – хихикнула Зоя.

– Ни на кого я не смотрела! – замахала руками тоненькая черненькая Сима.

– Как ты могла?! – с шутливым возмущением схватила за голову Лиля. – Как ты могла смотреть на того, на кого смотрела я?!

Девушки расхохотались и снова запели.

Внезапно Лилю и Зою кто-то подхватил под руки.

Два парня – один маленький, в кожаной куртке и кепке, другой в неуклюжем пиджаке. Бровь была у него рассечена, и шрам придавал лицу нелепое выражение.

«Клоун какой-то, – подумала Лиля. – Только не добрый, а злой. И пьяный! Да еще с бутылкой!»

Девушки вырвались:

– Что вам нужно?!

– Потанцевать с вами можно? – весело спросил маленький. От него несло перегаром.

– Нет. – Лиля резко отстранилась.

– А как насчет культурно отдохнуть? – не без труда выговаривая слова, спросил «клоун». – У нас и портвешок есть!

– Нет! – выкрикнула испуганная Зоя.

– Знают взрослые и дети – портвейн полезней всего на свете! – захохотал маленький.

– Ребята, оставьте нас в покое, мы не пьем, – сердито сказала Лиля, пытаясь пройти между ними, однако парни загородили дорогу.

– Придурки, пустите нас! – взвизгнула Зоя.

Симка заголосила:

– Помогите! Милиция!

Ей удалось вырваться, а Лиля и Зоя никак не могли освободиться от разохотившихся «поклонников». Наконец Зоя стукнула парня с бутылкой по голове и пустилась наутек, а маленький вцепился в Лилю, как клещ, и как-то умудрился толкнуть ее на скамейку, а сам навалился сверху.

– Кто-нибудь, помогите! – в панике закричала Лиля, пытаясь подняться, но стряхнуть с себя хулигана было просто невозможно. – Помогите!

Никого не было вокруг... Темный безлюдный парк, тишина... И Лиля вдруг поняла, что никто не придет ей на помощь. Девчонки убежали, а этот маленький оказался таким сильным, урод! И второй бандит бежит к нему на помощь, вон топот слышен, а с ними двумя ей не справиться, она пропала, пропала!

В последнем отчаянном усилии Лиля оттолкнула нападавшего, кинулась наутек, но тут же споткнулась и упала. Маленький оказался тут как тут, Лиля замахнулась на него сумочкой, но он увернулся и жадно цапнул ее за ногу.

– Отстань от нее, гнида! – раздался голос, и Лиля, находясь в каком-то отупении, все же разглядела, что к ним подбегает вовсе не второй хулиган, а какой-то незнакомый парень с портфелем.

Вот он подскочил, пнул этого гада и заорал на Лилю:

– Чего сидишь, дура? Беги!

Она заелозила по траве, пытаясь подняться, однако в это время откуда ни возмись снова появился тот «клоун» с бутылкой. Рот у него был в крови – видно, кто-то из девчонок навернул сумкой!

– А ты откуда взялся, защитничек? – рявкнул он и вдруг ударил бутылкой о ствол дерева, держа ее за горлышко. И заржал: – Что, не нравится? Заиграло очко?

Это была «розочка», знаменитое хулиганское оружие.

Лиля с ужасом смотрела, как ее спаситель пошел прямо на хулигана. Тот замахнулся «розочкой», но парень выставил вперед портфель, а потом швырнул этим портфелем в нападавшего. Тот начал падать, но потащил за собой противника. Лиле казалось, на земле варится какая-то каша-мала, но вот из путаницы тел вырвался спаситель. Однако на него тут же кинулся «клоун», получил удар ногой, отпрянул, выхватил нож...

– Скорее, скорее, пожалуйста! – раздался рядом крик Зойки. – Эти рожи на нас напали!

По дорожке бежали два милиционера и еще какие-то парни.

Хулиганы бросились было наутек, но удрать им не удалось.

Зоя бросилась к Лиле, начала ее поднимать.

– А Симка где? – испуганно спросила та.

– Да вот же, вот! – всхлипнула Зоя. – Я ребят увидела, позвала на помощь, а тут как раз милицмейская машина мимо проезжала, Симка ее и остановила.

– Девчонки, спасибо! – Лиля обняла подруг. – И вам спасибо! – Это адресовалось незнакомому парню, который спас ее.

– Не за что! – усмехнулся он, вытер разбитый нос и подобрал свой изуродованный портфель.

– Как это не за что?! – воскликнула Лиля.

– А вот мы сейчас разберемся, не за что или за что, – сказал милиционер. – Только в отделении. Все поехали, поехали, молодежь!

И, как девушки ни противились, их все же отвезли в отделение. Хорошо хоть, что в другой машине, а не в той, в которой отправили хулиганов.

Они долго сидели в отделении все вместе, ждали, пока появится дежурный. На счастье, их посадили на разные скамейки. Девушки и спаситель оказались справа, а хулиганы – слева.

Все молчали.

Стоило дежурному войти в кабинет, как Зойка снова завела:

– А нас-то за что сюда привезли? Не виноваты мы, это они напали на нас!

– Сейчас разберемся, – спокойно сказал дежурный, садясь. – Ну что, граждане хулиганы, предъявляем документы.

– А нету, – сказал «клоун». – Дома на рояле забыл. А маменька не напонила.

Дружок его заржал.

– Понятно, – покладисто сказал дежурный. – Филиппов!

Появился сержант.

– Этих двоих умников в камеру. Пускай протрезвеют, а утром будем разбираться. Заодно проверим, не тунеядцы ли.

– Начальник, без оскорблений! – завопил маленький. – Кто тунеядцы? Знаем! Кто не работает, тот не ест!

Дежурный проводил их взглядом, ухмыльнулся и повернулся к спасителю.

Лиля этого высокого темноволосого парня иначе про себя и не называла. Конечно, хотелось бы знать, как его зовут, но не будешь же спрашивать!

Хотя, кажется, сейчас узнает...

– Ваши документы, – сказал ему дежурный.

Тот подал паспорт.

– Камышов Родиион...

– Камышев, – перебил парень.

Симка и Зоя переглянулись. Обе думали об одном и том же: «Красивое имя. И парень красивый! Даже с разбитым носом!»

То же самое подумала и Лиля.

– Камышев Родион Петрович, – прочел дежурный. – Тысяча девятьсот сороковой год рождения.

«Ну, жалко, что такой старый. На четыре года нас с Лилькой старше!» – разочарованно подумали Зоя и Сима.

«Он ровесник Кости, но на четыре года младше Сережи», – подумала Лиля – и немедленно рассердилась на себя за то, что снова вспомнила это имя.

Собственно, она его и не забывала, однако изо всех сил уверяла себя, что забыла.

– Ну, рассказывайте! – велел дежурный.

Камышев растерянно моргнул:

– Ну, что... я, в общем, шел с работы. А тут эти...

– Послушайте! – вмешалась Лиля, заметив, с каким недоверием смотрит дежурный на Камышева. – Товарищ совершенно не виноват! Он нас спас! А вот этот вот... с рассеченной бровью... у него в руках была разбитая бутылка! Он нас чуть не порезал! – И повернулась к Камышеву, чуть наклонившись, потому что между ними сидела Зоя: – Спасибо вам большое!

– Да не за что! – снова сказал он, как там, в парке.

Видимо, дежурному не понравилось, что его перебили, потому он принял суровый вид:

– Будьте добры, ваши документы!

– Мои? – растерялась Лиля. – Да у меня только студенческий.

– Давайте студенческий, – кивнул дежурный.

Лиля открыла сумочку, подала билет и поймала взгляд Камышева.

«Какая улыбка хорошая!» – подумала она и тоже улыбнулась.

– Так, – сказал дежурный, открыв билет. – Говорова Лилия Михайловна...

На его лице появилось озадаченное выражение:

– Простите, а вы... вы случайно не родственница...

– Самая настоящая! – вскочила Зоя. – Это дочка Говорова.

– Зоя... – простонала Лиля. Она терпеть не могла пускать в ход имя отца для разрешения каких-то бытовых проблем.

Но подругам, видимо, ужасно надоели эти затянувшиеся ночные приключения. Они отлично понимали, что эта фамилия способна творить чудеса.

– Можете проверить! – вмешалась и Сима.

– Девочки, прекратите! – зашипела Лиля. – Папа меня убьет!

Камышев тихонько усмехнулся.

Лиля посмотрела на него и улыбнулась.

В самом деле – очень красивый парень! И вдобавок – спаситель!

Как в кино!

Дежурный, однако, явно не знал, что делать.

Почесал в затылке, потом почесал вспотевшую шею за туговатым воротничком рубашки...

– Хорошо, – сказал наконец. – Мы проверим.

* * *

Ну что ж, все кончилось так, как и должно было кончиться! Говорову позвонили, он подтвердил, что задержанная однофамилица является его дочерью, и сообщил, что немедленно приедет за ней.

Струхнувший дежурный немедленно выпроводил из отделения Камышева. Он был бы рад спроводить и девушек, но пришлось ждать, пока за своим чадом не прибудет высокопоставленный отец.

Михаил Иванович Говоров появился в сопровождении по-королевски высокомерной супруги, которая произвела на дежурного гораздо более сильное впечатление, чем даже сам первый секретарь горкома, ибо не потрудились скрыть, какого мнения о работниках милиции, которые позволяют себе среди ночи тащить в отделение девушек из приличных – и это очень мягко сказано! – семей. Михаил Иванович сам отвез девушек в общежитие, но Лиле, разумеется, пришлось отправиться ночевать домой.

Садясь в машину, Лиля несколько раз оглянулась.

– Да он уже ушел, наверное, – с сожалением сказала Зоя.

– Кто он? – удивилась Маргарита.

– Да тот парень, который нам помог, – пояснила Лиля. – Я хотела его еще раз поблагодарить.

– Не понимаю, за что? – искренне удивилась Маргарита. – На его месте так же поступил бы каждый. Ничего, пусть останется неизвестным героем!

Михаил Иванович хмыкнул. Маргарита, как обычно, считает, что весь мир перед ней в неоплатном долгу!

За тем, как Говоровы и подружки Лили усаживались в машину, наблюдал не только сконфуженный дежурный, припавший к окну своего кабинета. За углом здания стоял Родион Камышев, который не без удовольствия заметил, как озирается Лиля.

История, конечно, сказочная... До чего же кстати он засиделся сегодня у друзей! Правда, посиделки окончились ссорой. В эти дни все обсуждали известие о Пленуме ЦК, на котором был отстранен от руководства Хрущев, совмещавший должности Первого секретаря ЦК и председателя правительства. Газеты пестрели фразами: «преступный волюнтаризм», «спонтанные, часто непродуманные действия во внутренней и во внешней политике», «рост цен в связи с деноминацией рубля», «неоправданное урезание приусадебных участков колхозников», «рискованные действия во внешней политике, которые могут осложнить международное положение Советского Союза», «резкое сокращение армии», «недостаточные меры в демократизации культурной жизни», «неоправданные стремления разогнать Академию наук» – и тому подобными. Спор же между Родионом и его друзьями вышел из-за того, что пленум явился результатом «тайного заговора», как это называли друзья. Вызванный из Пицунды, где он проводил отпуск, Хрущев был поставлен перед фактом отставки. Друзья Родиона считали, что коммунисты не должны опускаться до таких мер, которые напоминали об эпохе дворцовых переворотов. Брежнева, избранного Первым секретарем ЦК партии, Косыгина, который стал председателем Совета министров, и Микояна, назначенного председателем Верховного Совета СССР², они называли предателями.

Родион же считал, что в стране уже начал складываться культ Хрущева, кое в чем подобный культу Сталина. На экраны уже вышел фильм «Дорогой Никита Сергеевич», чего ждать дальше? Меры следовало принимать решительные – их и приняли!

Друзья Родиона здорово распалились, называли его почему-то безродным космополитом, хотя этот эпитет относился еще к сталинским временам, и фактически выгнали вон. Дело чудом не дошло до драки, и Родион, спеша в общежитие, где он жил, жалел, что не дошло. Он вообще был вспыльчив и не дурак подраться, поэтому с большим удовольствием ввязался в эту историю со спасением девчонки. И кулаки почесал, и душу отвел, и... И, кажется, свел довольно полезное знакомство.

Ничего себе – мимоходом спас дочь самого Говорова! Для деревенского парнишки, которым еще не так давно был Родион, это было почти то же, что для Ивана-дурака – похищение Царь-девицы. И мысли о том, как же блистательно вся та сказочная история закончилась для Иванушки, не переставали тревожить Родиона.

² В 1965 г. А. И. Микояна на этом посту сменил Н. В. Подгорный.

Из того, что произошло, он может извлечь для себя такую несусветную пользу, о которой не смел даже мечтать. Да что! Ему и в голову не приходило мечтать о чем-то подобном!

Правильно говорил дед: «Везунчик ты, Родька, и высоко залезешь, если руки не обдерешь!»

Пока Родион Камышев только руки обдирал, но залезть даже на самую малую высоту ему не удавалось. Ну что ж... Самое время вспомнить арию Германа из пушкинской «Пиковой дамы», которую Родион слушал недавно по радио:

Так бросьте же борьбу,
Ловите миг удачи,
Пусть неудачник плачет,
Кляня свою судьбу!

Выпал, наконец-то выпал долгожданный миг удачи, и Родион будет самым настоящим неудачником, если не сумеет его поймать.

Ничего, что Лиля Говорова не успела его толком поблагодарить за свое спасение! Это даже хорошо! Она будет чувствовать себя обязанной это сделать.

Только надо предоставить ей такую возможность как можно скорей.

Это устроить несложно. Лиля и не подозревает, что Родион тоже учится в педагогическом, только на химвиофаке. Надо просто не зевать, и удача упадет в его руки, как спелое яблочко!

Главное, чтобы она не узнала о прошлом. Вот что самое главное!

Реальность, как всем известно, имеет обыкновение обманывать самые радужные надежды и самые смелые мечты. Родиону удалось подстеречь Лилю, которая вышла из института одна, без этих вечно приклеенных к ней хихикающих подружек, но она несла букет цветов, который был ей вручен, конечно, каким-нибудь поклонником, и это несколько сбilo Родиона с толку.

Сунув портфель приятелю и попросив отнести его в общежитие, Камышев рысцой догнал девушку и ляпнул:

– Значит, вас Лилей зовут?

– А что, вы в милиции не расслышали? – насмешливо глянула она через плечо.

Похоже, девушка отнюдь не собирается с разбегу кидаться Камышеву на шею и рассыпаться в благодарностях!

Ну, он тоже хорош! Начал с самого дурацкого вопроса, который вообще можно было придумать!

Само собой, отступать Родион не собирался. Он усмехнулся, вспомнив, что лучший способ обороны – это наступление:

– А вы, оказывается, злючка!

– А еще кто-то назвал меня дурой! – мстительно добавила Лиля.

– Я?... – растерялся Родион. – Да никогда!

Вот ведь злопамятная какая! А как ее еще было называть, когда она сиднем сидела и тарасила глаза, пока Родион оттаскивал от нее хулигана!

Конечно, можно было и не орать на нее. Но ведь Родион тогда не знал, что перед ним Лилия Говорова, дочь первого секретаря горкома!

Разумеется, он не стал разяснять девушке ее ошибки, а смиренно пробормотал:

– Простите!..

– Прощаю, – кивнула Лиля. – А вы студент или аспирант?

– Не, берите выше! – хохотнул Родион. – Доктор наук!

Брякнул – насторожился: а вдруг поверит?

– А вы остряк, доктор наук...

Не поверила. Что и требовалось доказать.

Врать больше не имело смысла, и Родион скромно признался:

– Ну, если честно, я студент пятого курса, будущий агроном.

Он только хотел ненавязчиво так спросить, что Лиля делает сегодня вечером, но она свернула к голубому «Москвичу», стоявшему под красным развесистым кленом.

Родион не раз видел эту машинку раньше и втихомолку завидовал тому папенькиному сынку, который приезжает в институт на авто. И вдруг оказывается, что это не папенькин сынок, а папенькина дочка! И какого папеньки...

Он аж присвистнул от изумления:

– Ни фиги себе!

Лилия даже не глянула на него. Видимо, настолько привыкла к таким восклицаниям, что и внимания на них не обращает.

И, что характерно, ведет себя так, словно начисто забыла ту историю в парке. Рассыпаться в благодарностях явно не собирается. Вот сейчас сядет – и уедет.

Ну, нет! Она еще не знает хватку Родиона Камышева!

– А если не секрет, – с вызовом спросил Родион, – кто вам сегодня цветы подарил?

Ага! Взглянула! Озадачилась.

Нестандартный вопрос, а как же, на том стоим!

Но он рано радовался.

– А вам что за дело? – холодно спросила Лилия. – Вы что, уже влюбились?

– Представьте, да! – выпалил Родион.

Лилия и бровью не повела! Понятно – таких признаний она слышала переслышала, привыкла к ним и просто не обращает на подобный треп внимания.

Села за руль, потянула на себя дверцу, однако Родион успел придержать ее.

– Жалко, – сказал со вздохом.

– Что жалко? – неприветливо покосилась на него Лилия.

– Что вы уезжаете...

Лилия фыркнула:

– Что, намекаете, чтобы я вас подвезла? Как защитника?

Ага! Все же помнит!

– А почему бы и нет? – усмехнулся Родион.

– Ну садитесь! – согласилась Лилия.

И улыбнулась.

Ну... Это уже много!

– С удовольствием! – Родион открыл было заднюю дверцу, но спохватился: ну и дурак... – и, обежав «Москвич», сел рядом с Лилей:

– А музыку можно?

Она включила радио. Эх ты, песенка как по заказу!

Родион замурлыкал вслед за певцом:

Эх, отличная песенка – «Королева красоты»! Голосина у Магомаева, конечно, бесподобный, но уж слова... До чего точные слова будут там, дальше:

А я одной тобой люблюсь,
И сама не знаешь ты,
Что красотой затмишь любую

Королеву красоты!³

Правда, допеть не удалось – Лиля покосилась на Родиона и тихо сказала:

– Не надо на меня так смотреть.

Он улавливал малейшие оттенки ее голоса, легкие, как дуновение.

Запрет? Да. Но не злой. А как бы... испуганный!

Она нервничает... И это отлично!

– Я вас нервирую? – задорно спросил Родион.

– Нет.

Ага, конечно нет! Разве она скажет – да? Вот и хорошо, что не скажет, это испортит такую интересную игру!

– Просто я не люблю, когда на меня так смотрят.

Слово «так» она выделила голосом.

Ну, понятно... Ждет продолжения разговора! И, конечно, уверена, что Родион скажет что-то вроде: я не могу на вас не смотреть, глаз не в силах отвести... Ну, в общем, такую чушь начнет молоть, которую молот в ее присутствии весь этот молодежь, все эти студентки, которых Родион про себя называл мямликами-збликами. Он их презирал – с высоты своего возраста, жизненного опыта, своего прошлого, которое таил от всех. И не сомневался, что Лиля их, конечно, тоже откровенно презирает вместе со всеми их букетиками.

Вот почему тот парень, который подарил ей цветы, не провожает ее сейчас? Потому что этот букет для нее ничего не значит! Так же как и сам парень. Один из многих, только и всего.

Но Родион Камышев – не один из многих. Он – один такой!

И он сказал:

– Ну, должен же я знать, кому вручил свою жизнь!

В этой фразе многое крылось, очень многое... Но Лиля предпочла не заметить второго смысла. Пошла проторенной дорожкой:

– Боитесь?

– Не то чтобы боюсь... – протянул Родион. – Но жизнь – она дается только один раз!

И в этой фразе тоже был намек... Мол, упустишь чего в жизни – уже не поймает, ибо второго шанса никто не даст. Так что – ловите миг удачи!

Но Лиля снова сделала вид, что ничего не понимает, и с уверенностью проговорила:

– Не волнуйтесь. Вы свою проживете до логического конца. И вообще – я с пяти лет вожу машину.

– В таком случае я спокоен, – сказал Родион. – Как в танке!

Лилия расхохоталась:

– Издевается надо мной?

– Нет! – решительно тряхнул он головой.

– Да!

– Нет!

– Ну-у, – ехидно протянула Лилия, – тогда держитесь!

И резко увеличила скорость.

Дура! Родион чуть не зарычал. По асфальту еле трюхалась – держала не больше шести-десяти км/ч, а тут, на глинистой, размытой, ухабистой проселочной дороге, вдруг пошла под восемьдесят! Неужели не чувствует, что колеса юзят?!

– Лилия, тормозите, занесет! – заорал Родион.

Поздно – занесло, повело с дороги на скользкую траву...

³ Из песни А. Бабаджаняна на слова А. Горохова «Королева красоты».

Родион схватился за руль, пытаясь выровнять машину, которую так и несло в овраг, а Лиля еще и заверещала:

– Не трогайте руль, я сама!

Родион рванул ручник. Остановились наконец-то!

Очень хотелось обложить эту самовлюбленную дурочку крепким матом, чтобы знала, кто она на самом деле. Честное слово, будь на ее месте другая, Родион так и поступил бы. Но...

Во-первых, Лилия нравится ему так, как никто в жизни не нравился.

Во-вторых, это дочка Говорова...

Или приоритеты следует пересмотреть? Или и то, и другое – во-первых?

Родион бросил ломать голову над этой ерундой – просто сказал:

– Однако, как говаривал Киса Воробьянинов... А все-таки вы, Лилия, водите машину не с пяти лет, а с двух!

– Ага, – буркнула она. – Смейтесь, смейтесь! Я же знаю, что хорошо езжу!

Родион только кивнул со всей доступной в данной ситуации сдержанностью.

– И потом, – продолжала Лилия, – если бы вы не схватились за руль, я отлично бы выровняла!

– Ну да, – кивнул Родион, мысленно прикидывая глубину оврага, в который бы эта девчонка «выровняла», если бы он не схватился за руль.

Опыты проводить над собственной жизнью – даже при участии дочки Говорова! – не было никакого желания.

Выскочил из машины:

– Короче!

Обогнул «Москвич», с трудом удерживаясь на разъезженной грязище, распахнул дверцу рядом с Лилей, подал руку:

– Прошу! Место женщины – на пассажирском сиденье!

И, не давая ей времени опомниться, взял да и вынес Лилу из автомобиля на руках!

Она ничего, не дергалась, только первым делом начала юбку, задрвшуюся сзади, поправлять.

Родион чуть не расхохотался: да ведь не видит никто! Ох уж мне эти барышни из хороших семей! Сразу видно – недотрога. Нецелованная, нелапаная, не... ладно, замнем для ясности. Чувствуется, намается Родион Камышев, пока своего добьется!

Ну что же, цель оправдывает средства!

Родион обошел машину, поставил Лилу около второй дверцы:

– Прошу!

Ох, какой взгляд получил в подарок! Тот мальчонка, который вручил ей букет, уже бежал бы сейчас без оглядки, размазывая слезы и сопли! Но Родион только хмыкнул – и захлопнул дверцу за Лилей.

Возвращаясь, успел заметить, что девчонка украдкой улыбается. Правильно... такие папенькины дочки мямликов-зябликов не любят! Они силу уважают! С такими надо сразу брать управление в свои руки!

– Ну что, поехали? – спросил Родион, садясь за руль.

Ах, батюшки, как она повернула голову, как поглядела свысока, как процедила:

– А вы умеете?

Наверное, если бы не съехидничала, заболела бы!

– Посмотрим! – отозвался Родион небрежно. – Как говаривал Киса Воробьянинов, главное – это хотеть.

Хорошо, что у него такая отличная память на всякие цитаты, подумал Родион, сдавая назад и осторожно выводя «Москвич» на дорогу, хотя он так и норовил пойти юзом.

Вообще-то первый секретарь горкома мог бы и асфальтик проложить до своей резиденции! Или в демократа играет? Типа стыдно ему?

Хотя здесь дороги, наверное, в ведении области...

Ладно, когда проехали скользкий участок, Родион перевел дух, а на тенистой аллее, ведущей к «резиденции», и вовсе успокоился.

– Красивое место! – похвалил он, желая восстановить мирные и дружеские отношения и не слишком кривя душой.

– Да, у нас красиво, – отозвалась Лиля – тоже вполне миролюбиво.

Машина остановилась у высоких ворот, сквозь которые виднелись очертания огромного домины. Родион вспомнил, какое впечатление этот особняк произвел на него несколько дней назад, когда побывал здесь впервые.

Ну да, было дело... А что такого, нормальное, естественное любопытство проявил! Интересно же знать, где живет девушка, за которой намерен ухаживать Родион Камышев!

Перегнувшись через круглые коленки, Родион открыл Лилину дверцу и галантно произнес:

– Прошу!

И тут же мысленно себя выругал: что это он сегодня как лакей – прошу да прошу! Поспokoйней надо быть. Посдержанней.

– Спасибо, – сказала Лиля.

– Не за что! – пожал плечами Родион. И не удержался: – Могу быть личным водителем!

Она, конечно, сделала вид, что не слышит. А то как же! Опустила глаза и сказала с преувеличенной заботливостью:

– А как же вы до дому доберетесь? Троллейбусы здесь не ходят!

– Пешком. – Родион развел руками. И снова не удержался: – И всю дорогу буду думать о вас.

Да, спокойствие как-то плохо давалось. После того как держал ее на руках и всю дорогу украдкой косился на эти изящные колени...

Лиля подняла глаза. Станный взгляд. А впрочем, чего в нем странного? Какой девчонке не приятно, когда такой красавец (Родион отлично знал цену своей внешности!) делает ей столь откровенные признания?

– Ну, счастливо, – кивнула Лиля и пошла к калитке.

Ничего не скажешь: девка что сзади, что спереди – глаз не оторвешь, руки так и тянутся проверить качество на ощупь!

А ведь что-то очень медленно она открывает калитку... Ну, Родька, лови миг удачи!

– Лиля!

Она обернулась... очень быстро обернулась, все правильно!

– Лиля... – Родион шагнул к ней, глянул в глаза: – Знаете, мне почему-то очень хочется те... вас поцеловать.

Она вытаращилась было, потом вроде как возмутилась – но тотчас засмеялась, причем явно польщенно:

– Дурак вы, доктор наук.

Повернулась и пошла к дому, стуча каблучками. Все-таки товарищ первый секретарь проложил на своем участке асфальтированные дорожки, плюнув на всякую демократию!

– Ну что ж, – пожал плечами Родион, – может, и дурак. – Вздохнул тихонько: – Да, не слабый домик!

Погладил «Москвич» по капоту – и пошел прочь, насвистывая: «По переулкам бродит лето...»

Ну что ж, к этим воротам он еще вернется, а скоро и в калитку допущен будет, Родион ничуть в этом не сомневался!

Само собой, у Лили есть кавалеры-ухажеры. Еще бы, у такой красоты, да не было бы их! Однако Родион не сомневался, что они ему не помешают, пусть хоть сотня их в оцепление встанет вдоль этого забора!

Между прочим, Родион как в воду смотрел... Ну, не сотня, конечно, но один кавалер-ухажер на Лилином горизонте точно маячил.

Вернее сказать, это Маргарита Говорова делала все, чтобы он там замаячил... Вот и сейчас: не успела Лили сесть за стол и приняться за единоборство с очередным лютым врагом – сногшибательным Варвариним пирогом, – как Маргарита вошла в кухню и деловито сообщила:

– Варвара, у нас в субботу вечером гости. Будем удивлять!

– Ну что ж! – радостно воскликнула Варвара, которая страсть как любила удивлять гостей своим кулинарным мастерством.

Вслед за тем Маргарита подошла к Лиле и искательным голосом проговорила:

– Лилечка... я тебя попрошу в субботу вечером дома быть. Приедут Семеновы с Вадиком. А он очень хочет с тобой познакомиться!

– Мама, а я вот ни с кем не хочу знакомиться! – сообщила Лилия, отрезая очередной кусище пирога. С врагом она боролась по принципу: чем больше съешь, тем меньше останется!

– Почему?! – изумилась Маргарита. – Лилия, он замечательный мальчик, интеллигентный, в Москве медицинский институт заканчивает, у него перспективы большие, он способный, талантливый...

Самым большим достоинством в глазах Маргариты было то, что Семенов-старший, некогда работавший в Ветровском горисполкоме, очень удачно перевелся в Москву, в Министерство сельского хозяйства: у него была весьма «волосатая рука» в ЦК партии, причем «рука» эта, по сведениям Маргариты, принадлежала одной из ближайших к новому генсеку персон. С таким сватом можно не бояться никаких житейских перемен! И если, к примеру, Говорова вдруг турнут за его дурацкую привычку вечно с начальством пререкаться да ссориться, то уж Семеновы Маргариту – любимую мамочку Лили – в обиду не дадут! К тому же Вероника Семенова некогда работала с Маргаритой в одной библиотеке. С тех пор они, как модно было выражаться, приятельствовались. На нее можно рассчитывать!

Однако все эти мысли и далеко идущие планы Маргарита держала в секрете, а потому искренне возмутилась, когда Лилия вдруг спросила с ехидцей:

– Ты что, меня сватаешь?

– Почему это? – строптиво повела головой Маргарита. – Нет!

А поскольку Лилия не сводила с нее пристального взгляда, Маргарита сочла за благо перейти к воспитательному процессу:

– Не сутулься! Выпрямись!

Встала за стулом, оглаживая плечи девушки:

– Я тебя очень прошу в субботу вечером быть дома!

– Ну мама... – уныло вздохнула Лилия. – Я, наверное, не смогу!

Пришлось Маргарите пустить в ход скрытые резервы наступления:

– Можешь сережки мои надеть!

– Да?... – протянула Лилия. – Хотя... я буду.

Итак, путь к сердцу Лили лежал через сережки! Как все просто!

Маргарита, не скрывая торжествующей улыбки, повернулась к Варваре:

– Я вас прошу пирог с вишней сделать, хорошо?

И поскорей пошла из кухни, пока Лилия не передумала.

Вслед донеслось кудахтанье Варвары:

– Ой, невеста выросла!

А потом по тарелке скрипнул нож.

Итак, Лилька отрезает себе еще кусок пирога, сообразила Маргарита. Ну и аппетит у девчонки, этак она скоро до сорок восьмого размера разьестся!

Ладно, главное, что согласилась быть дома в субботу, спасибо и на том!

* * *

Когда Лиля выехала из ворот и увидела Родиона, она сначала подумала, что его высокая фигура ей почудилась. Честно говоря, со вчерашнего вечера Лиля думала о нем непрерывно. Все было до такой степени необычно, романтично, красиво! Это вам не какой-то там Вадик Семенов, «замечательный интеллигентный мальчик», всех-то достоинств у которого – московская прописка. Родион ее все-таки дважды спас! Первый раз – в парке, а второй – когда машину занесло. Себе-то Лиля могла признаться, что, не перехвати он руль и не дерни ручник, неведомо, что могло бы случиться. Обрыв, в который повело «Москвич», мелким не назовешь.

И – если уж совсем честно! – если бы Родион без предупреждения ее еще и поцеловал...

Лиля сама не могла решить, оттолкнула бы его или нет? Конечно, оттолкнула бы, но... не сразу.

Она думала, думала, думала об этом несостоявшемся поцелуе... Ведь она никогда еще не целовалась, тот торопливый, снисходительный чмок, которого удостоил ее когда-то Сергей, – это же не в счет!

Интересно, что это такое – целоваться по-взрослому?

Интересно, что это такое – целоваться с Родионом Камышевым? С этим красивым, храбрым, благородным парнем, который не идет у нее из головы?..

И вот он – стоит на дороге, помахивая букетом хризантем!

– Родион, зачем?! – вскрикнула Лиля, с трудом скрывая радостную улыбку.

– Доброе утро! – Он просунул букет в окно «Москвича». – Это тебе.

– Спасибо...

Значит, они теперь на «ты»? Лиля пошевелила губами, как бы пробуя на вкус эти слова: Родион, ты...

Ее вдруг в краску бросило, пришлось уткнуться в букет, как бы наслаждаясь ароматом хризантем, хотя всем известно, что пахнут они совершенно как полынь, иди вон на любую обочину да наслаждайся!

– А разве мы не договорились, что женщина должна ездить только на пассажирском сиденье? – смешно поднял брови Родион.

– Что-то такое припоминаю, – пробормотала Лиля и покорно передвинулась, освобождая ему место за рулем.

«Москвич» тронулся.

Ни Родион, ни Лиля не заметили Варвару, которая притаилась за воротами и провожала их одобрительным взглядом.

Или она ничего не понимает в жизни, или этот красавчик поможет Лильке избавиться от Вадика Семенова.

Семеновых Варвара недолюбливала: больно гонористы! – ну и заодно перенесла свое отношение и на Вадика, которого она, к слову сказать, в жизни не видела, но авансом терпеть не могла.

Между прочим, об этом же сейчас думала и Лиля.

«Если бы мама увидела, что у меня есть парень, который мне нравится, с которым я встречаюсь, наверное, она не приставала бы ко мне с этим Вадиком дурацким! Два раза Родион меня спас, ну пусть еще раз спасет!»

– Слушай, – нерешительно спросила она, выходя из машины, – а что вы... что ты делаешь в субботу?

– Еще не знаю, – равнодушно пожал Родион плечами (изо всех сил стараясь не дать Лиле заметить то нетерпеливое ожидание, которое овладело им).

– Я просто хочу пригласить тебя к нам в гости, – пояснила Лиля. – Маме интересно с тобой познакомиться. Ты знаешь, она просто помешана на докторах наук!

Родион вытаращил было глаза, потом хмыкнул:

– А, на докторах наук... я и забыл. Тогда приду, конечно.

– До встречи, – улыбнулась Лиля.

– До свидания... – пробормотал Родион, еще не вполне поверивший в случившееся.

Собственная жизнь казалась ему сейчас чем-то вроде «Москвича», который вдруг занесло на крутом повороте, и пошел он юзом, юзом... Только не в обрыв-овраг, как давеча, а круто в гору!

* * *

– Извините за опоздание! – Лиля сбежала по лестнице.

– Лилечка! – радостно воскликнула Маргарита.

Она в самом деле обрадовалась появлению Лили. Молодец девчонка! Умеет выглядеть как надо, когда надо! Эта расклешенная юбка и шелковая блузка очень удачно скрывают то, что Маргарита мысленно называла «переизбытком форм». Глаза блестят, серьги тоже, зубы сверкают в улыбке, волны прекрасных русых волос плещутся по спине, ножки стройненькие, туфельки лаковые... По рядам Семеновых аж трепет прошел, ну а за Вадика можно не волноваться... В смысле, за Вадика как раз стоит волноваться, ибо парнишка в глубоком нокауте от восхищения – и вопрос, сможет ли вообще из него выйти.

– Ну, прошу к столу! – провозгласила Маргарита, чувствуя, что сногсшибательное впечатление, произведенное Лилей, следует немного разбавить Варвариной стряпней.

Семеновы разом начали приподниматься с дивана, однако Лиля вдруг взмолилась:

– Мама, давай еще чуть-чуть подождем! Ну пожалуйста!

– Лиля с детства такая, – усмехнулась Маргарита. – Без папы – никуда!

Возникла не вполне ловкая пауза, в которую ловко вклинилась мадам Семенова:

– Лилечка, детка, Вадюша так хотел с тобой познакомиться...

Вадюша все еще таращился на блистательное видение, только что не разинув рот, и сейчас выглядел сущим деревенским дурачком.

Зато Лиля не подвела: шагнула вперед, подала руку:

– Лиля.

Нет, все же «интеллигентный мальчик» нашел в себе силы подняться на ноги, пожать ей руку и пролепетать:

– Ва-ва-вадим...

– Очень приятно, – сказала Лиля и улыбнулась так, словно ей и в самом деле было приятно. Хотя кто знает, подумала Маргарита, вполне возможно, что ей приглянулся этот робкий задохлик, ведь, как известно, ветру и орлу и сердцу девы нет закона!

– Добрый день! Войти можно? – раздалось с веранды, и Лиля вдруг унеслась туда.

Вадик промямлил пустому месту:

– Мне тоже...

– Лилечка и Вадим, – пропела мадам Семенова, – так замечательно смотрятся вместе!

Маргарита натянуто улыбнулась, чуя недоброе.

Кто это там пожаловал? И почему Лиля даже не побежала, а буквально полетела этого кого-то встречать?

Вошел какой-то высокий парень – в моднейшей нейлоновой рубашке румынского производства, наметанный глаз Маргариты эту рубашку сразу отметил: точно такая же, только белая, была на Вадике, и простому человеку купить ее было бы затруднительно... Ну разве что отстояв двухкилометровую очередь!

Парень вручил Лиле коробку конфет (тоже, знаете ли, на прилавках не валяются!) и роскошные хризантемы.

Маргарита, хоть и забыла давно, когда в очереди стояла, все же была в курсе торговых дел в городе: благодаря сослуживицам-библиотекаршам. Поэтому сразу сделала вывод: парень не из последних.

Да и собой хорош, очень хорош! Постарше Лили... Настоящий мужчина, Вадик рядом с ним вообще потерялся.

– Мама, это мой друг, Родион, – сказала Лилия.

– Здравсьте, – кивнул парень, и Маргарита не глядя почувствовала, что с лица мадам Семеновой сползает воодушевление, линияет счастливая улыбка, а у Вадика, который встал и пожал руку гостю, голос жалобно дрогнул.

– А это вообще кто? – пробормотала мадам Семенова, однако Маргарита только плечами пожала, сиюсь изобразить спокойствие, которого и в помине не было!

Друг?!

Ну, Лилька... Что это она затеяла? Явно выставила оборону против Вадика. Теперь Маргарита припомнила, как Лилия рассказывала им с Говоровым про того парня, который вырубил ее в парке. Агроном... Какая-то деревенщина, короче говоря. Видный, конечно, ничего не скажешь, фактурный, как говорится, но совсем не того круга, в котором привыкла вращаться Маргарита! А рубашку эту он явно у кого-нибудь одолжил, как-то она ему узковата!

Между прочим, Маргарита как в воду смотрела. На обед к Говоровым Родиона собирали всей комнатой: Федя дал рубашку, Санек – галстук (от «удавки», впрочем, Родион отказался), а Колян, пока Родион брился, читал ему вслух – с выражением! – выдержки из бесценной книги «Этикет от А до Я». Родион искренне порадовался, узнав, что пельмени принято есть ложкой (надо же, оказывается, он всю жизнь соблюдал этикет!), но его повергло в панику известие, что рыбу едят с помощью особой вилки и особого ножа. Причем фотографии этих приборов найти не удалось. И Родион больше всего боялся, что на столе окажется рыба, а он оплошает...

Однако рыба оказалась на диване. Вернее, ни рыба ни мясо. Какой-то Лилин ухажер в жилетике и очочках. С одного взгляда Родион понял, что этот «претендент» ему не соперник, что сражаться за Лилю с ним не придется. Куда более серьезную опасность представляли родители Вадика – и Лилина мамаша. Поэтому Родион сидел как на иголках и даже плохо соображал, что, собственно, ест.

На счастье, рыбы не было. Спасибо и на том!

Вадику стряпня Варвары пришлась очень по вкусу, однако его здоровый аппетит пришелся не по вкусу матери. Все-таки они теперь москвичи, а Вадик, понимаете, лопает, как будто не из столицы в какой-то городишко приехал, а наоборот! Этот... Родион... и то посдержанней себя ведет, а Лилия так и вообще еле шевелит вилкой.

И мадам Семенова не вполне ловко свернула в сугубо интеллектуальное русло:

– А наш Вадюша был в Театре на Таганке!

Родион не без досады глянул на «претендента». Театр на Таганке являлся настолько культовым местом, что человек, побывавший на спектаклях Юрия Любимова, в любом обществе возбуждал к себе интерес просто автоматически, как некое лицо, приближенное к небожителям. Между прочим, Родион на Таганке тоже побывал. До боли в ладонях аплодировал актеру

Высоцкому и смозолил язык, снова и снова пересказывая в общаге свои впечатления. Честно сказать, он искал удобного случая обмолвиться – как бы невзначай, – что и он не лыком шит. Но теперь решил смолчать. Нет ничего глупее, чем заорать: «Я тоже там был!» – и сразу поставить себя на второе место. В очередь за «претендентом».

Ну уж нет!

– Угу! – поддакнул Вадик мамаше, внимательно оглядывая Маргариту и Лилю: произвело ли на них это известие должное впечатление?

На Маргариту Васильевну вроде бы да, произвело, а Лиля как бы даже и не слышала: подкладывала в тарелку Родиона салат.

– Представляете, – кудахтала мамаша, – входные билеты накалывали на штыки актеры-красноармейцы!

– Режиссерский замысел, – пояснил Вадик.

– Ой, Лилечка! – воскликнула мадам Семенова, прижав руку к груди. – Приезжайте к нам в Москву! Вадик поводит вас по театрам! Он у нас там завсегдатай!

Вадик воодушевленно кивнул.

– А поэтические вечера! – Семенова закатила глаза. – Боже мой! Боже мой!

Теперь настал черед Вадика прижимать руку к груди:

– Роскошные!

Родион поскорей сунул в рот помидорину, чтобы не прыснуть.

Однако тут же он чуть не подавился, потому что мадам Семенова устремила на него пристальный взор:

– Скажите, Родион, а как вы относитесь к творчеству Андрея Вознесенского? Вы вообще его читали?..

При этом она свела губки в куриную гузку, показывая, что все прекрасно понимает... ну где какому-то Родиону Камышеву читать, понимаете ли, Андрея Вознесенского?! Да он небось и слыхом этого имени не слыхал?

– Ну... – протянул Родион, не зная, что ответить на эту явную издевку, как вдруг Лиля спокойно ответила Семеновой:

– А я тоже не читала. Это что, преступление?

Маргарита поперхнулась от злости:

– Лиля, води себя прилично! – И кинулась исправлять невыгодное впечатление: – Все она читала! Лиля очень начитанная девочка! Обожает театр, обожает!

Мадам Семенова благосклонно улыбнулась, и Маргарита перевела дух.

Так, хорошие отношения восстановлены. Теперь надо поставить на место этого... Родиона, которого зачем-то притащила Лилька. Ну, понятно все с ее вкусами! Конечно, Маргарита скорее откусит себе язык, чем это скажет, но ведь думать не запретишь! Она море сил приложила к Лилькиному воспитанию, чтобы не стыдиться ее в обществе, однако порой из девчонки так и прет эта Таська, кухарка эта... Вот и тянет ее ко всякой деревенщине! Против законов наследственности не попрешь!

А Родион-то этот – набрался наглости, приперся! Куда?! В дом первого секретаря горкома партии! Вообще люди стыд потеряли!

Нет, надо его поставить на место. Лильке не удастся поссорить Маргариту и Семеновых! Этот... Родион должен понять, что ему тут ничего не светит!

Она повернулась к незваному гостю с легкой улыбкой:

– Простите, пожалуйста, как называется ваша деревня? Я просто с самого начала не услышала...

– Поселок, – уточнил Родион. – Поселок Ленино.

Голос его звучал спокойно, без намека на стеснительность.

Ничего, сейчас забеспокоишься! Сейчас застесняешься! Маргарита Говорова виртуозно умела ставить людей на то место, где они должны находиться – и не дергаться!

– Там у вас колхоз или совхоз? – спросила она, подчеркнуто выделяя звук О: именно так произносила эти слова местная деревенщина.

– Мама, прекрати! – прошипела Лиля. Вид у нее был несчастный.

– А что? – сделала невинное лицо Маргарита. – Мне просто интересно, правда!

– Колхоз меня послал на обучение, – ответил Родион, и Маргарита с неудовольствием отметила, что он и теперь держится куда спокойней, чем Лиля. – Я будущий агроном. Должен же кто-то в этой стране заниматься сельским хозяйством!

Краем глаза Маргарита отметила, что в дверях стоит Говоров, – и замерла, гадая, слышал ли он ее откровенную издевку над этим парнем. Ну, слышал – не слышал, а при нем надо будет придержать язык.

А «колхозник» разошелся-то как!

– Разве это дело, что мы зерно закупаем за границей, когда своим скотину кормим, чтобы урожай не пропал?

Говоров прошел к столу, пожимая руки мужчинам. Лилю чмокнул, жену тоже, к ручке мадам Семеновой приложился... все как следует. Ладно, хоть мужа Маргарите удалось пообтесать!

– А это тот самый Родион! – оживленно сообщила Лиля. – Я тебе рассказывала.

– Да вы продолжайте, Родион, продолжайте! – радушно предложил Говоров. – Очень интересно рассказываете, может, и я у вас чему-нибудь научусь.

– Ну, это вряд ли, Михаил Иванович! – хмыкнул Семенов. – Молодой человек узко мыслит! Да! Простите, но узко, узко! – покровительственно взглянул он на Родиона, однако продолжал говорить о нем в третьем лице. – Понимаете, ему невдомек, что закупки за рубежом имеют свою экономическую целесообразность!

– Чушь! – рявкнул Родион.

Даже Лиля отпрянула, а Маргарита вообще чуть со стула не упала. О Семеновых и говорить не стоит! Но «колхозника» было уже не остановить:

– Я как будущий агроном знаю, что нельзя кормить зерном скот. Миллионы тонн хлеба уходят в навоз!

– Родион! – простонала скандализованная мадам Семенова. – Но мы же за столом!

– Тише, Никочка, – ласково сказал Семенов-старший, принимая терпеливо-оскорбленный вид.

Вадик поспешно ел, не поднимая глаз.

«Как ему неловко, бедному! – рассердилась Маргарита. – Неловко из-за колхозника!»

И... не поверила своему счастью: Родион вдруг поднялся:

– Спасибо за угощение. Я пойду.

– Как? – квакнул сквозь котлету Вадик.

– Пойду расширять рамки своего политического мировоззрения, – с недоброй ухмылкой пояснил Родион. – А по дороге закажу билеты в театр!

Руку он подал почему-то только Вадик:

– До свиданья!

– До свиданья... – Тот быстренько проглотил кусок.

На счастье, не подавился... хотя было от чего!

Родион остановился в дверях, надевая куртку, и продекламировал:

Живет у нас сосед Букашкин.
В кальсонах цвета промокашки.
Но, как воздушные шары,

Горят над ним антимиры!⁴

И вышел.

– А что это было сейчас?! – осведомилась мадам Семенова.

– Мама! – простонал Вадик. – Это же твой любимый поэт – Андрей Вознесенский!

– Да-а? – протянула она.

– Да! – буркнул сын.

– Вы снобы! – зло вскочила Лиля. – Вы вели себя возмутительно!

И ринулась вон из комнаты.

– Лиля! – попыталась задержать ее Маргарита, но поперхнулась и закашлялась.

– А что? – ухмыльнулся Говоров, наливая себе водки. – Парень с юмором! Что-то в нем есть!

И чокнулся только с Вадиком.

Маргарита покосилась в окно.

Лилька со всех ног неслась за Родионом к воротам.

Маргарита покачала головой.

Оглянулась: из-за ее плеча, вытягивая худую шею, с тоской смотрел в окно Вадик.

Маргарита вздохнула. Кажется, дела у Вадика, да и у нее, плохи...

Родион стоял у калитки. Лицо злое, глаза прищурены.

– Ты зачем меня пригласила? Хотела матери досадить? – шумно дыша, спросил он.

– Вообще-то да, – покаянно кивнула Лиля. – Извини.

Желваки так и заходили на лице Родиона! Он резко шагнул к Лиле, схватил за плечи и поцеловал – нет, просто впился в губы.

– Отпусти! – пропищала Лиля, отталкивая его. – Больно! Ты сейчас злой! Я не хочу так! Уходи!

– А по-другому я сейчас не могу, – буркнул Родион и ушел.

Лиля постояла-постояла – и понуро побрела домой.

* * *

Настроение с самого утра было испорчено, причем дважды. Сначала Варвара как бы невзначай положила на стол рядом со вкуснейшими сырниками «Комсомолку» со статьей и портретом Сергея. Лиля даже смотреть не стала, о чем он там написал: все это было и прошло, давно и прочно забыто, даже вспоминать не стоит. А вот второе огорчение оказалось гораздо сильнее: около ворот никого не было.

Почему-то Лиля не сомневалась, что Родион там появится, ну, пусть без букета, но появится!

Она нарочно долго заводила машину, давая Родиону время выйти из-за кустов. Но никто не вышел – скорей всего, потому, что никого там не было.

И все же Лиля не сдавалась: выезжая, громко посигналила... напрасно! Родион не появился, и Лиля, высокомерно пожав плечами, поехала в город.

Впрочем, высокомерия ее хватило ненадолго. Всю дорогу она себя ругательски ругала. Она так привыкла, что знакомые парни на все готовы, лишь бы добиться ее внимания! Да любой из них за счастье счел бы, если бы она его домой пригласила...

Ну, может, Родион тоже счел бы за счастье, если бы Лиля его просто так пригласила. Но она его просто использовала как щит против Вадика. Вдобавок вся эта компания снобов разо-

⁴ Из стихотворения А. Вознесенского «Антимиры».

шла, и мама, главное, тоже, вот что обиднее всего! Она могла бы его хотя бы поблагодарить за то, что выручил Лилию тогда, в парке. Нет же – обращалась с Родионом как барыня с каким-то там пастухом, который невзначай забрел в господский дом.

Конечно, Родион был оскорблен... И, кажется, больше не хочет встречаться с Лилей.

Ну, навязываться она не будет, еще не хватало... Хотя, наверное, надо бы извиниться. Нет! Это он должен извиняться за тот хамский поцелуй! Тоже мне, проявил классовое торжество! Оскорбленный пастух поцеловал барскую дочку!

Короче, просить прощения Лилия не собирается. Все кончено. Подумаешь, да таких Родионов в ее жизни еще будет-перебудет!

До чего глупо, что она сегодня так вырядилась! Плащик в синюю и белую клетку, модные сапоги, от одного взгляда на которые начиналось головокружение и у девушек, и у парней: у первых – от зависти, у вторых – от того, как узкие голенища обтягивали Лилины ноги, подчеркивая их красоту и стройность. Все напрасно...

И все же Лилия, таясь от себя, высматривала Родиона в институте. Аудитории его факультета химбиофака располагались на верхнем этаже – туда просто так, мимоходом, не зайдешь. Если Родион увидит ее там, сразу поймет, что пришла мириться.

Много чести!

Впрочем, если он будет ждать ее у машины, чтобы отвезти домой, Лилия, конечно, его простит.

Надежда на встречу помогла ей сносить скоротать день, и сердце колотилось как бешеное, когда она выходила на крыльцо.

– Ну что, Лилька? – спросила поджидавшая ее Зоя. – Наши все на Седьмое ноября собираются. Придешь?

Лилия быстро огляделась.

Около «Москвича» никого...

Вот и все!

Вот и все...

– Неохота, – пробормотала она. Зачем другим настроение портить?

Такая вдруг взяла тоска, что Лилия с трудом сдержала слезы и не сразу разглядела какого-то парня, который бросился наперерез им с Зойкой.

– Вот еще один кавалер к тебе бежит, – хихикнула та.

Это, конечно, был не Родион – какой-то тощий, рыжий, добродушный и веселый балагур. Руки он почему-то держал за спиной.

– Парниша, а вам чего? – невесело спросила Лилия.

– Вы прекрасны, спору нет! – воскликнул «парниша». – Но ваша подруга меня просто очаровала!

Лилия присмотрелась к парню. Она его определенно встречала раньше в институтских коридорах: такую рыжую шевелюрищу не заметить трудно. Однако он почему-то проходил мимо них с Зойкой и Симой, уделяя им не больше внимания, чем другим девушкам, а тут вдруг подлетел к Зойке... Ну прямо с неодолимой страстью!

«Ну, пусть хотя бы Зойке повезет, если не повезло мне!» – подумала Лилия и с трудом подавила печальный вздох.

А Зоя – та просто онемела от удовольствия. Она уже привыкла играть в присутствии Лилии вторую скрипку, а тут вдруг такое.

Рыжий не унимался:

– Скажите, пожалуйста, а вы к нам оттуда надолго? – Он воздел глаза к небу.

– Не понимаю, – пролепетала смущенная Зоя.

– Зато я, зато я прекрасно понимаю! – воскликнул парень. – Я прекрасно знаю, что вы явились к нам оттуда на землю, чтобы всем показать, что такое – неземная красота!

– Он что, ку-ку? – ошеломленно спросила Зоя у Лили.

– Я не ку-ку! – хохотал рыжий. – Я не ку-ку, это вы ку-ку!

В голосе его звучало такое восхищение, что девушки расхохотались.

– Вы по утрам смотрите в зеркало? – не унимался пылкий кавалер. – Вы же такая красивая! Хотите, я вам станцую?!

И он в самом деле пустился впрыска, размахивая своим пакетом.

– Еще не хватало! – со смехом закричала Зоя.

– Ну позвольте, позвольте я хотя бы угадаю ваше имя! – взмолился он.

– Ну, попробуйте, – пожала плечами Зоя.

Рыжий бросил на нее испытующий взор и брякнул:

– Буква З. Ваше имя начинается с буквы З!

Подруги переглянулись.

– Предположим, – весело согласилась Зоя.

– Зина! – сказал рыжий.

– Нет.

– З-з-зулейка?

– Нет! – ужаснулась Зоя.

– А, знаю! Зюечка! – завопил парень.

– Угадал! – обрадовалась она.

Парень вдруг протянул девушкам пакет, словно спохватился:

– Пончики с повидлом!

– Спасибо! – от души поблагодарили Зоя и Лили.

И с удовольствием взяли по одному: они изрядно проголодались, а в буфете все было, как обычно, невкусно.

– Спасибо вам, молодой человек, – улыбнулась Лили. – Мне вон туда! – Она указала пончиком на «Москвич». – Думаю, Зюечка, ты не будешь скучать!

Однако рыжий взглянул на нее умоляюще:

– Пожалуйста, не разбивайте компанию! Понимаете, я бы хотел пригласить вашу подругу в кафе «Чайка», но чувствую, что она не из тех, кто запросто пойдет с незнакомым парнем в злчное место. А ведь там сегодня дает концерт студенческий оркестр МГУ! Пожалуйста, не откажите...

Девушки переглянулись. У Зои был растерянный вид. В общепитии она к таким церемониям не привыкла!

– Вы меня приглашаете на роль дуэньи? – засмеялась Лили.

– Да нет, просто мне лестно будет появиться в компании двух таких красавиц! – засмеялся парень. – Между прочим, меня Колей зовут. Для друзей – Колян.

– А может быть, и третью красавицу прихватим? – спросила Лили лукаво, заметив невдалеке Симу.

– Гулять так гулять! – махнул рукой Колян.

Через несколько минут они уже входили в недавно открывшееся студенческое кафе. Здесь все выглядело необычайно нарядно – возможно, потому, что было новым. Народу собралось!.. Возле оркестровой площадки уже танцевали. И столики в центре зала, и места в удобных кабинках, отделенных бамбуковыми занавесками, оказались заняты. Девушки уже было подумали, что не найдут свободного места, однако Колян уверенно ввел их в одну из кабинок, сообщив, что для него в этом кафе всегда место найдется.

По пути он непрестанно балагурил, не сводя глаз с Зои:

– Вы немножко похожи на Джину Лоллобриджиду! Нет, на Элизабет Тейлор! И еще немножко на Татьяну Самойлову!

Зоя знай хохотала, чрезвычайно довольная.

– Пирожное? Мороженое? Шампанское? – щедро предложил Колян.
– Мне кофе, пожалуйста, – попросила Лиля.
Однако Зоя, вдохновенная пылкостью нового кавалера, церемониться не стала:
– Хотим! Всё хотим! И принеси для тех, кого ты перечислил на меня похожих! – Она принялась загибать пальцы: – Самойловой, Тейлор...
– Лоллобриджиде, – подсказала Симка, давась смехом.
Рыжий жалобно моргнул, а потом заботливо спросил:
– А вы это... не того? Не лопнете?
– Не лопнем, не лопнем! – наперебой заверили его Зоя и Симка.
Лиля только головой покачала: эх, разошлись девчонки!
В кабинку заглянула официантка, и Колян попросил:
– Примите заказ у девушек, а я сейчас.
И ринулся вон.
Девушки переглянулись, пожали плечами – и принялись заказывать.
А Колян с озабоченным видом влетел в соседнюю кабинку, где за столиком одиноко сидел... Родион.
– Доставку обеспечил! – отрапортовал Колян. – Только она грустная какая-то...
Схватил бокал с вином, стоявший на столе, глотнул:
– Гони монету. Девчонки с аппетитами оказались. Там и шампанское, и кофе с коньяком – рублей на пять-шесть. А у меня три копейки в кармане.
Родион достал червонец:
– Здесь с запасом. Не подведи!
– Когда тебя рыжий подводил? – возмутился Колян. – «Королева красоты»?
Родион кивнул:
– Давай!
Они чокнулись: Колян вином, Родион – чашкой с кофе.
Тем временем девушки явно озадаченно оглядывали изобилие блюд и стаканов, которые выставила перед ними официантка.
– Зо-ой... – жалобно протянула Сима. – Ну и где твой ухажер? Он не сбежал? Тем более увидел, что вы меня с собой прихватили...
– Даже не думайте, что он теперь от меня сбежит! – воинственно провозгласила Зоя.
Лиля вздохнула:
– Ой, счастливая ты, Зойка! Умеешь брать быка за рога!
– Так, девчонки, будем облизываться или начинаем? – не выдержала Сима.
– Начинаем! – скомандовала Зоя, берясь за бутылку шампанского и начиная обдирать фольгу.
– Так, а мне? – В кабинку ворвался Колян и властным движением забрал у Зои бутылку. – Могу поспорить на свою стипендию, что вы думали, что я слинял!
Девчушки разом скорчили возмущенные гримасы – мол, и в мыслях не было! – и, посмеиваясь, уткнулись в вазочки с мороженым.
Колян весело наливал шампанское:
– Предлагаю тост! За хороший вечер!
Чокнулись.
– Ребята, давайте «Королеву красоты»! – закричали в зале.
– Зоя, пойдем потанцуем! – вскочил Колян.
– А как же мороженое? – растерялась та.
– Это моя любимая песня! – взмолился Колян. – Идем, я тебе потом еще закажу!
Он буквально вытащил Зойку из-за стола, потом обернулся:
– Симка! Пойдем, там один парень хочет с тобой познакомиться!

Сима так и вылетела вслед за ними.

А Лиля осталась уныло ковырять ложкой в вазочке с мороженым.

Оркестр заиграл первые аккорды знаменитой «Королевы красоты», и Лиля вздохнула. Сразу вспомнилось, как эта песенка звучала, когда Родион провожал ее в первый раз и он вдруг начал подпевать:

По переулкам бродит лето,
Солнце льется прямо с крыш.
В потоке солнечного света
У киоска ты стоишь...⁵

Ну надо же, как к ней привязалось это воспоминание! Голос звучит, будто наяву...

Лиля бросила взгляд сквозь бамбуковую занавеску – да так и ахнула. Около эстрады вовсю наявляли твист танцующие пары, а на эстраде... А на эстраде стоял с микрофоном в руках Родион!

Родион! Это он пел! Наяву! Это он пел наяву «Королеву красоты»!

Лиля подскочила с диванчика и, чуть отодвинув занавеску, смотрела на эстраду, не веря глазам, и слушала, не веря ушам.

Вскоре плюхнулась на диванчик в полном смятении чувств и мыслей.

Она была изумлена. Она была счастлива!

Голос звучал совсем рядом. Лиля повернула голову. Родион стоял у занавески и пел:

... Ты жизнь и счастье,
Любовь моя!⁶

Какой у него голос, оказывается! Про такие голоса говорят – за сердце берет. И как он смотрит...

Родион сел на диванчик напротив и протянул согнутый палец.

Лиля не знала, смеяться или плакать. Они так всегда мирились с отцом! А теперь...

Улыбаясь, смущаясь, то отводя глаза, то снова взглядывая на Родиона, она зацепила его мизинец своим.

* * *

Все влюбленные проводят время одинаково. Они бродят по сонному парку, собирают кленовые листья, сбивают замки с качелей, уже «заторможенных» в связи с закрытием сезона, и качаются на них, упоенно пытаясь долететь до неба, хотя и так находятся на седьмом небе... А потом они идут в кино, берут билеты на последний ряд и до одури там целуются. Выйдя из кинотеатра, они понимают, что расстаться сейчас просто нельзя. Ну просто невозможно им будет провести ночь друг без друга!

Эту ночь и все остальные...

И всем влюбленным кажется, что это происходит только с ними, что никто на свете не был так влюблен и так счастлив!

Именно это чувствовали Родион и Лиля, именно так они провели день, именно это – невозможность, невыносимость расставания! – осознали, когда вышли из кино и, держась за

⁵ Из песни А. Бабаджаняна на слова А. Горохова «Королева красоты».

⁶ Из песни А. Бабаджаняна на слова А. Горохова «Королева красоты».

руки, побрели по улице, с каждым шагом приближаясь к единственному месту, где они могли побыть одни: к общежитию.

Какой-то рыжий парень вскочил с кровати, когда в узкую, захлавленную комнатушку вошла Лиля.

При виде его девушка так и ахнула:

– Колян?! Это вы? Так вот почему вы затащили нас в кафе!

– Ну, на это он мастер! – усмехнулся Родион.

– Позвольте за вами поухаживать! – Рыжий помог Лиле снять пальто.

– Спасибо, Коля! – улыбнулась она.

– Спасибо, Коля! – улыбнулся и Родион, поведя глазами в сторону двери.

Намек был более чем ясен и прозрачен! Коля прихватил подушку и со смехом кинулся за дверь. Впрочем, она тотчас распахнулась, и ворвался другой приятель Камышева, Федя.

– Камыш! – гаркнул он. – Ты на сахар богат? Ой! Ты не один?

Парень заметил Лилю – и расплылся в улыбке.

– Не один, не один! – Родион сунул ему в руки банку с сахаром, а когда Федя шагнул было к Лиле со словами: «Разрешите познакомиться!» – бесцеремонно вытолкнул его за дверь.

Впрочем, Федю уговорить по-быстрому оказалось не так просто. Из коридора донесся его крик:

– Девушка, если он будет плохо себя вести, приходите к нам! Мы в восемнадцатой!

– Иди уже! – Родион сердито повернул ключ и улыбнулся Лиле: – Я закрою дверь, иначе это никогда не кончится.

Девушка между тем с преувеличенным вниманием рассматривала спортивные медали, висевшие над одной из кроватей. Собственно, сейчас она была в таком состоянии, что вряд ли поняла, за что они были вручены: за велопробег, легкую атлетику или стрельбу.

Наконец она села под этими медалями, переплетя пальцы и исподтишка поглядывая на Родиона.

Было страшновато и неловко. Здесь, в этой комнатке, все, что казалось необходимым и естественным, стало неудобным и чуть ли не постыдным. Лиля знала, что это ощущение исчезнет, если Родион поцелует ее, но он почему-то не спешил ее даже обнять, а сел на кровать напротив, пряча глаза, и пробормотал:

– Вообще-то, знаешь, в этой комнате должны жить четверо, а нам, как пятикурсникам, разрешили вдвоем поселиться...

– Да? – растерянно спросила Лиля.

Почему он сидит, не подходит? Почему вдруг стал каким-то чужим? Счел ее слишком доступной, раз она пришла сюда?

– Кстати, в кафе, – нервно улыбнулся Родион, – Колян позвал вас по моей просьбе.

– Я это уже давно поняла, – улыбнулась и Лиля.

– Между прочим, это его кровать, – сообщил Родион.

Лиля вскочила. Родион тоже.

Лиля надеялась, что сейчас он-то наконец-то обнимет ее, но Родион только заглядывал в ее глаза со странным, не то выжидательным, не то робким выражением.

Нет, это просто невыносимо!

– Ой, да мне домой надо, – пробормотала Лиля. – Скоро мой «комендантский час»! Надо успеть вернуться!

Поспешно схватила пальто, сумочку, в самом деле вдруг страшно перепугавшись: с родителями было условлено, что она возвращается не позже полуночи, а сейчас уже полдвенадцатого! Пока еще доедет...

Однако Родион внезапно подхватил ее на руки, постоял так, прижимая к себе, и отнес на кровать. Положил прямо в сапожках на одеяло, осторожно провел рукой по лицу.

Лиля ощутила, как жилка на ее виске забилась под его пальцами – от страха, от нетерпения...

Они долго смотрели друг на друга, потом Лиля закрыла глаза.

Она не отстранилась, когда рука Родиона скользнула по щеке, потом по шее, а потом начала медленно расстегивать пуговицы ее блузки. Лиля тихонько погладила его пальцы, словно одобряя все, что он делает и будет делать.

Родион выключил свет.

* * *

Стояла глубокая ночь, когда Лиля добралась до дома. Родион, конечно, поехал с ней, и было ужасно трудно расстаться с ним у ворот, представляя, как далеко и долго ему придется идти пешком по темной дороге. Здесь недавно пустили рейсовый автобус, но последний уже прошел, а до первого еще далеко... Лиля готова была сидеть с Родионом в машине до рассвета, однако глаза слипались у обоих, и она понимала, что надо хоть немного поспать перед завтрашними занятиями.

Кое-как расстались, нацеловавшись до изнеможения, и наконец Лиля прокралась в дом, для начала обойдя его и внимательно всмотревшись в окна. Все они были темны, и Лиля отчаянно надеялась, что родители уснули. Ей и раньше случалось возвращаться довольно поздно, и два-три раза это осталось незамеченным. Может быть, и сегодня повезет?..

Господи, как же громко скрипят молнии на сапогах! Лиля постояла перед зеркалом, придирчиво отыскивая какие-нибудь компрометирующие следы на лице, на шее, но здесь, в полумраке коридора, все казалось нормальным, а свет она боялась зажигать.

Часы в сонной ночной тишине тикали просто невероятно громко! Лиля решила, что они вполне могут заглушить ее шаги. Двинулась к лестнице, всматриваясь в темноту за дверью отцовского кабинета.

Конечно, папа уже ушел спать. А мама вообще рано ложится...

Вспыхнувший свет показался ей выстрелом в упор.

Мама! Сидит в уголке дивана в своем сером шелковом халате! Ждет!

– Ты где была? – спросила Маргарита, подняв со стола будильник, стрелки которого показывали без десяти четыре.

– Я помню про ваш «комендантский час», – пробормотала Лиля испуганно, но тотчас взяла себя в руки и сказала твердо: – Мама, я уже взрослая! Мне уже целых двадцать лет!

Маргарита вскочила с дивана, запахнув халат, и схватила Лилу за руку.

– Подожди! Ты что, была с этим своим агрономом? – с нескрываемым волнением спросила она.

Лиля мгновенно разозлилась на пренебрежительную мамину интонацию, да так, что забыла обо всякой осторожности. Перевела дыхание и выпалила:

– Да. Я была в общежитии.

Маргарита тихо ахнула и хлестнула ее по лицу.

Лиля вскрикнула и кинулась к лестнице, однако ее остановил Михаил Иванович, который спустился навстречу.

– Рита, ну что ты творишь? – проговорил он укоризненно.

– Я что творю?! – воскликнула Маргарита, нервно завязывая пояс халата. – Я ее воспитываю! Вкус прививаю! Хорошие манеры! Ты спроси у своей дочери, где она была?! Ты думаешь, она книги читала до четырех часов утра с чужим мужиком? – У нее перехватило дыхание, она почти прохрипела, покраснев от ярости. Уродливая вздувшаяся жила перерезала высокий красивый лоб. – В общежитии!

– Рита... – предостерег Михаил Иванович.

– Да! – выкрикнула Лиля, которую совершенно взбесила эта откровенная ненависть матери. – У нас все было!

Маргарита только ахнула и залилась слезами.

– Так, так, подождите... – пробормотал Говоров, растерявшийся до крайности. – Доча, я понимаю, ты злишься на нас и поэтому врешь.

– Да, папа, я злюсь, – ответила Лиля, глядя мимо него. – Но я говорю правду.

Маргарита закатила глаза и саркастически выкрикнула:

– Конечно! Яблоко-то от яблони...

– Рита, осади! – взревел Говоров.

Маргарита сникла.

Михаил Иванович подошел к жене, слегка коснулся плеча. У нее было такое несчастное лицо, что стало жаль ее, как никогда в жизни. Он знал, что Маргарита строила какие-то далеко идущие планы насчет Лилиной судьбы, насчет ее брака, и, хоть ему самому все эти «мещанские хлопоты», как он их называл, были смешны, все же его трогало искреннее желание Маргариты позаботиться о Лиле. Пожалуй, и в самом деле осталась в далеком прошлом ее ненависть к «приблуде», как она раньше называла Лилу: Маргарита воспринимает ее как родную дочь, а эти слова, которые она бросила, продиктованы горькой обидой на девчонку, на которую возлагалось столько надежд, а она обманула все ожидания, да так глупо и пошло!

Вот именно: глупо и пошло!

– Значит, так! – загремел Говоров. – Пока ты живешь в нашем доме, изволь подчиняться! Никаких общежитий, танцулек, вечеринок! Только институт!

Маргарита бросила на него выразительный взгляд. Говоров кивнул и снова прикрикнул:

– Да, и о Камышеве я чтобы не слышал!

– Папа, но он же тебе нравился! – жалобно воскликнула Лиля.

– Да, нормальный парень, но не в койку же тебя затаскивать?! – рявкнул Говоров.

– Да ведь он любит меня! – воскликнула Лиля.

– Лиля! – зашлась саркастическим хохотом Маргарита. – Да ведь он любит тебя потому, что ты – дочь секретаря горкома! Мы уже это с Динарой проходили!

Говоров угрюмо кивнул.

– Ничего вы не понимаете! – молящим голосом воскликнула Лиля. – Все у нас по-другому! По-настоящему! И я докажу вам! Мы здесь жить не будем!

Говоров глянул ошеломленно.

– И помощи от вас нам тоже не нужно!

– Лиля! – простонала Маргарита.

Но ту уже было не унять.

– Я уйду к нему! В общежитие! – И она кинулась вверх по лестнице.

Маргарита жалобно вскрикнула, падая на диван.

– Ах так... – выдохнул Говоров.

Он был потрясен. Обида, горчайшая обида захлестнула его. Обида на дочь, которую он так любил, которую так хлил и лелеял, которая была для него истинно светом в окошке! Из-за нее и сын, и жена оставались на втором... даже на двадцать втором месте! А его Люлька все его заботы, всю преданность, всю его любовь швырнула под продавленную общежитскую койку!

Стоило Говорову представить, что вытворяла на этой койке его нежная дочуня, как он совершенно потерял голову.

– Удерживать не стану! – крикнул он вслед Лиле.

– Ты что? – робко воскликнула Маргарита, но Говоров, не слыша ее, гневно продолжал:

– Мы ведь такие взрослые! Нам же почти двадцать лет!

Тяжело опустился на диван рядом с Маргаритой и решительно заявил:

– Пусть уходит!

– Ты посмотри на него, а?! – простонала Маргарита, глядя на мужа с отвращением. – Сначала сын из-за тебя ушел, теперь дочь! – И тут же, перехватив его измученный и в то же время лютей взгляд, взмолилась: – Миша, может, ты ее запрешь? Ну, как раньше? Перебесится!

Говоров тяжело перевел дыхание:

– Рита, я этого делать не намерен! Пусть сама теперь шишки набивает!

– Какие шишки?! С кем?! – зло воскликнула Маргарита. – С Камышевым?! Это же не человек, это недоразумение какое-то! Ой, да что там, в том общежитии? Большая любовь?!

Она явно испугалась ярости мужа. Говоров ведь как упрется – назад ходу не будет. Вот и Лилка такая же. Если она решится уйти...

И что тогда? Маргарита останется совсем одна?!

Говоров хотел что-то сказать, но по лестнице застучали каблуки.

Спускалась Лиля. Переделась в нарядный розовый костюмчик, чемодан взяла...

Маргарита вцепилась в руку мужа.

Да ведь девчонка и в самом деле сейчас уйдет!..

Однако Говоров даже бровью не повел.

– Так, чемодан вон там поставь, – скомандовал он. – И ключи от машины на стол.

Лиля послушалась.

– Ну, – Говоров удовлетворенно кивнул, – а теперь иди.

– Как это? – растерялась Лиля.

– Пешком, – пояснил Михаил Иванович. – В чем есть.

Лиля мгновение переводила взгляд с него на ожесточенную и в то же время растерянную Маргариту, потом усмехнулась, пожала плечами и пошла в прихожую, бросив:

– Счастливо оставаться!

– Как же так?! – ахнула Маргарита.

– Скоро вернется! – уверенно ответил Говоров. – Никуда не денется. Надоест это все!

– Да как же так? – жалобно повторила Маргарита – и расплакалась, глядя на чемодан, сиротливо стоящий посреди комнаты.

Лиля накинула в прихожей пальто, натянула сапоги и выбежала вон.

Холодный ветер мигом прохватил ее насквозь...

Оглянулась в последний раз на дом – и медленно, клонясь навстречу ветру, вышла за калитку.

* * *

Родион завтракал: пил из бутылки молоко, заедая булкой. Колян суматошно шарил по углам. Наконец он жалобно спросил:

– Ты мои носки не видел?

– Видел, – буркнул Родион, жуя.

– Где?!

– Везде! – огрызнулся Родион.

У него чудовищно болела голова: не выспался, переволновался из-за того, что произошло у него с Лилей, а еще больше – из-за того, что сегодня, несомненно, устроит ему Говоров. Вполне реально ждать визита разгневанного папаши к простолюдину, совратившему барскую дочь. Но поздно, папаша, поздно...

В дверь постучали.

Да что за народ, с утра пораньше побираться двинули!

– Курева нет, спички кончились! – рявкнул Родион.

Стук повторился.

– Твою мать! – выверился Родион. – Кто там такой настырный?! Сейчас по ушам съезжу!

Распахнул дверь – и обмер: перед ним стояла бледная и дрожащая Лиля.

– Ничего себе! – ахнул Родион. – Лилия...

– Здрддрддрддрддтуй! – кое-как выговорила она: зуб на зуб не попадал.

– Здравствуй... – пробормотал Родион. – Проходи...

Лилия переступила порог и сразу приникла к Родиону. Ее трясло.

– Я так замерзла, пока ждала, когда общежитие откроют!

Растерявшись и даже испугавшись в первую минуту, Камышев вмиг опьянел от запаха Лилиных волос, от дрожи тела, так доверчиво прильнувшего к нему, от слез, которые вдруг потекли по ее щекам.

– Родя... я пришла к тебе! – ласково и преданно шептала Лилия.

– Я счастлив, – просто сказал Камышев, глядя в ее милое, прекрасное лицо, которое почему-то не портили даже слезы.

Лилия посмотрела нерешительно и пояснила:

– Я пришла насовсем...

– Солнце мое! – Родион подхватил ее на руки и завопил снова: – Солнце мое! Это же прекрасно! Давай быстро за горячим чаем! – скомандовал он Коляну, который сидел за столом разинув рот.

Тот ринулся к двери, но на пороге замер:

– Погодите, а как же я?!

Печальная участь изгнанника представилась Коле во всех самых мрачных тонах.

– Попартизанишь пока по общежитию, – бросил Родион. – А сейчас быстро за чаем!

– Не, ребята, так нечестно, – чуть ли не всхлипнул Коляня.

– Что нечестно? – поднял брови Камышев. – Все равно скоро диплом – а там на все четыре стороны!

Коля умчался на кухню.

...Родион то согревал поцелуями руки Лили, то разувал ее, тер замерзшие ноги, то бормотал счастливо:

– Как я рад! Как я рад!...

* * *

Как только Говоров вошел в здание Дома пионеров, его чуть не сбил с ног какой-то очкарик в красном галстуке и с шахматной доской под мышкой.

– Поосторожней, Ботвинник! Шею не сломай! – рассердился Михаил Иванович.

– Простите, я не хотел... – забормотал мальчишка.

– Где кабинет домоводства? – сменил гнев на милость Говоров.

– На втором этаже, – ткнул пальцем вверх «Ботвинник» и помчался дальше.

Михаил Иванович поднялся по лестнице, открыл дверь кабинета кружка домоводства и какое-то время стоял, не входя и слушая голос Таси:

– Дави, дави на него сильнее... Ловчей, ловчей! Девочки, посмотрите, какое тесто получилось у Саши: оно должно быть тонким и не рваться.

Говоров шагнул вперед и увидел Тасю в белой блузочке, сером жилетике, черной юбке и кружевном фартуке.

Живя с женщиной, помешанной на нарядах, чуть ли не ежедневно демонстрирующей самые дорогие изыски современной моды, Говоров волей-неволей вошел в курс, так сказать, и модных течений, и цен на одежду. Он мигом отметил, что наряд Таси хоть и предельно прост, но элегантен и дорог. Ну да, Шульгин ведь тоже вхож в те же распределители, где одевается Маргарита, однако Маргарита предпочитает и другие фасоны, и другие цвета, и другие прически. Хотя... Тася теперь тоже носит прямые волосы. Вспыхнула мгновенная тоска по вороху

ее неумных кудрей, но тут же Говоров был вынужден отметить, насколько идут Таисии эти мягкие пряди, обрамляющие лицо. Оно кажется строже – и моложе.

Почему она изменила прическу? Что это значит? Что те кудри остались в прошлом, как и он сам, Михаил Говоров? А Шульгину нравится эта новая Тася?..

А ему-то самому, Говорову, она нравится?..

Михаил Иванович подавил печальную усмешку: ему совершенно безразлично, что она наденет и как уложит волосы. Лишь бы смотреть на нее...

Ну, вот он стоял и смотрел, а Тася была так увлечена, что даже не замечала его. Однако некоторые быстроглазые девчонки уже обратили внимание на мужчину начальственного вида, стоящего в дверях, и бросали на него беспокойные взгляды.

Дальше прятаться было глупо, и Говоров шагнул вперед:

– Здравствуйте, дети!

Тася резко обернулась.

Лицо ее на какой-то миг сделалось растерянным, испуганным, изумленным до бледности, но почти сразу она овладела собой и холодно улыбнулась:

– Здравствуйте, Михаил Иванович.

Девчонки повскакивали с мест и принялись с любопытством таращиться на гостя.

– Здравствуйте, Таисия Александровна. Накормите голодного щами? – шутливо спросил Говоров.

Тася приподняла брови и спокойно сказала:

– Девочки, давайте, пока вода закипит, пять минут погуляем.

Те, вытирая о разноцветные фартуки запачканные мукой руки, толкаясь, заспешили из кабинета.

– Прямо как в старые времена, – ласково сказал Говоров. – Ты на кухне, в фартуке...

– Да, – кивнула Тася. – Только я больше не твоя кухарка.

Голос ее звучал враждебно.

Говоров вздохнул, сказал, словно извиняясь:

– Да это я так. Ностальгия... Ты теперь педагог, методист... Начальство довольно, дети обожают...

С тех пор как до него дошли слухи, что Тася начала вести кружок домоводства в Доме пионеров, он украдкой интересовался, как у нее идут дела. Правда, сам не мог понять, радуют его успехи Таси или все-таки огорчают.

Почему огорчают? Да потому что она все уверенней находит свое место в жизни! Замуж вышла, учится в институте, на работу устроилась... Но в этой жизни нет места Михаилу Говорову, вот в чем беда!

– Ты что, навел обо мне справки? – резко спросила Тася.

– Ну должен же я знать, что творится в моем городе, – попытался отшутиться Говоров, однако Тася не приняла шутки и строго спросила:

– Миша, зачем ты приехал?

– Тася... – начал было Говоров дрогнувшим голосом, пытаясь взять ее за руку, но Тася отвернулась, отошла к окну.

– Ну, если официально, то с инспекцией! – заявил Говоров уже совсем другим тоном – дружеским и почти равнодушным. Однако тут же не выдержал игры, сбился: – А если честно, то на тебя посмотреть.

Тася глянула так, что Михаилу Ивановичу пришлось начать оправдываться:

– А что? Дом пионеров – место общественное, так что имею право.

Говоров неторопливо снял модный светлый плащ на клетчатой подкладке, небрежно бросил его на стул, сел сам и деловито заговорил:

– У тебя когда по расписанию занятия? Понедельник, среда, пятница? Вот запишусь... – Подпер голову рукой, посмотрел на Тасю усталыми, страдающими глазами: – И буду смотреть на тебя, сколько захочу!

Наконец-то улыбнулась! Ей было приятно это услышать, сразу понял Говоров. Более того – она хотела это услышать!

Тася взяла со стула его пальто, прижала к себе, села, глядя грустно и ласково:

– Выглядишь плохо. Устал?

Он вздохнул:

– Не сплю ни черта... Благодаря, между прочим, дочуне... твоей и моей! Очередную блажь вбила себе в голову!

Тася смотрела непонимающе.

Говоров поднялся, нервно зашагал по кабинету:

– Я думал, через пару дней домой вернется. Не выдержит в этой общаге! Так нет!

Он нервно схватил со стола нож, осмотрел его внимательно, сам не зная зачем, и швырнул обратно:

– Да... Ладно, дам ей еще неделю... нет, две! Пусть нахлебается сполна! Потом разгромлю эту богадельню – и поганку домой верну. А то, чего доброго, еще замуж выскочит!

Тася смотрела на него, слушала, но ничего не говорила.

Выдохнул и яростно продолжил:

– Упертая! Характер все показывает!

– И в кого это она, интересно, такая? – насмешливо спросила Тася.

Говоров покосился было бешено, вздернул голову... потом пожал плечами, усмехнулся:

– Ну... да!

* * *

Последнюю стипендию Родион получил в прошлом месяце, и от нее уже давно помину не осталось. Он вообще тратил деньги не считая! Однако Лиле стипендия не полагалась: конечно, круглая отличница, но из очень состоятельной семьи, а стипендии распределяли в первую очередь малоимущим.

О том, что она теперь уже не принадлежит к этой очень состоятельной семье, Лилия, понятное дело, деканат в известность не ставила.

Чтобы выжить, Родион ночами разгружал вагоны. Это был очень популярный «калым» не только среди студентов, но и среди других горожан, которым нужно было подработать. Само собой, крепость мышц и спин считалась обязательной: «мямлики-збылики» и одной ходки с тяжеленными мешками не выдержали бы, не то что шестьдесят – семьдесят, как делал за ночь Родион. Он был сильный, проворный, упорный, он знал, что у него теперь жена, которую надо кормить... Честно говоря, первое время, возвращаясь в общежитие, он надеялся встретить в своей комнате не только жену, но и тестя, который не выдержал разлуки с любимой дочкой и явился умолять ее вернуться под отеческий кров... разумеется, с супругом!

Однако явление тестя пока задерживалось. Михаил Иванович Говоров оказался на редкость упрямым!

Ну что ж, Родион Камышев тоже отличался редкостным упрямством, а также терпением. Он поймал свой миг удачи и не сомневался, что рано или поздно эта удача Жар-птицей засияет в его руках!

Не сомневался еще и потому, что Лилия была так влюблена, так ласкова и заботлива! Ничего, что денег у них порой хватало лишь на две картофелины к обеду, да к чаю – хлеб с вареньем из старых, деревенских запасов Родиона, и что варенья этого осталось всего полбанки. Зато иногда, когда разгружали ящики с вином, учетчица вручала работягам бутылку-

другую из «боя» (понятное дело, этот самый «бой» через раз был с особым старанием организован грузчиками), и тогда удавалось не только поесть, но и выпить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.